Татьяна Устименко

Дважды невезучие

Спасаю мир! Кто не спрятался — я не виновата!

Пасынки удачи

Татьяна Устименко

Дважды невезучие

«АЛЬФА-КНИГА»
2014

Устименко Т. И.

Дважды невезучие / Т. И. Устименко — «АЛЬФА-КНИГА», 2014 — (Пасынки удачи)

Если кто забыл, то мы – невезучие! Вернее, теперь уже Воины Судьбы, прибывшие на остров богов, дабы попасть в их величайшее святилище, обрести счастье и спасти мир от надвигающейся гибели. Мы уже знаем, какую цену придется заплатить за исполнение своих желаний, и скупиться не собираемся! Но, вместо того чтобы смиренно проходить уготованные нам испытания, мы помогли Речной невесте, сняли проклятие с беззубых упырей, устроили свадьбу королевы орков, усмирили снежного демона и почти победили мстительного чернокнижника. Да чего там, мы и сами практически умерли! И все это ради единственной возможности переправиться через реку Забвения, вступить на земли мертвых, встретиться с хитроумными гидрами и даже попробовать договориться со Смертью… Ничего себе задачка, ага?

© Устименко Т. И., 2014
© АЛЬФА-КНИГА, 2014

Содержание

Пролог 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 8
Глава 1 8
Глава 2 18
Глава 3 29
Глава 4 40
Глава 5 52
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Татьяна Устименко
Дважды невезучие

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*** * ***

Когда жизнь дает уроки – не пропускай занятия.
Народная мудрость

Пролог

– Давай попробуем еще разочек, а? – Зорган прижимался к моему плечу, жарко дыша мне прямо в ухо и пользуясь запрещенным приемом – умоляющей, донельзя жалобной интонацией своего красивого голоса. – Вдруг да получится?

– Прошлой ночью пробовали, – разочарованно буркнула я, отпихивая надоедливого эмпира и с головой укрываясь пестрым лоскутным одеялом, – и позапрошлой, и позапозапрошлой… Так ни гоблина ведь не вышло…

– Рогнеда, – сильная рука любимого мужчины настырно стягивала мое защитное укрытие, а его горячие губы нашли мой вспотевший от волнения лоб и запечатлели на нем нежный поцелуй, – признайся, ты ведь хочешь этого ничуть не меньше меня…

– Хочется – перехочется! – сварливо парировала я, стараясь с помощью своего привычного нахальства скрыть овладевшее мною отчаяние. – Зачем себе и мне зря душу рвешь? Не проще ли принять как данность – ну не получается это у нас, хоть тресни…

– Попытка не пытка! – почти весело откликнулся Зорган, приподнимаясь на локте и заглядывая мне в глаза. – Я вроде как не слабак криворукий и не пессимист, а поэтому знаю четко: что не получилось на третий или пятый раз – получится в сотый…

– Мне столько не вытерпеть, – честно призналась я. – Больно же! Может, ты и не слабак, но садист тот еще…

Краем уха я услышала, как на печке заинтересованно завозился хозяин избы, раздраженный нашим спором. «Вот, мешаем мужику отдыхать!» – виновато подумала я, закрывая глаза и пытаясь уснуть. Но не тут-то было…

– Рогнеда! – Голос эмпира повысился на полтона, приобретая требовательную окраску. – Давай попробуем снова, или я решу, будто ты меня не любишь!

«Ладно, демоны с тобой, уговорил!» – в сердцах плюнула я, откидывая одеяло и садясь.

– Давай! Только быстро!

Виконт белозубо улыбнулся, отшвырнул подушку и схватил меня за руку…

Мы топали целый день без передышки, но река Забвения так и не показалась. Наконец, полумертвые от усталости, мы еле добрели до какой-то крохотной, полузаметенной снегом деревушки и попросились на ночлег. Местные жители ютились в небольших домишках, поэтому нам пришлось разделиться. Нас с Зорганом впустил к себе угрюмый золотушный мужичок, до самых глаз заросший рыжей нечесаной бороденкой, более смахивающей на вонючий козлиный хвост. Казалось бы, подобная характеристика не предвещала ничего обнадеживающего, но в избе у него оказалось неожиданно тепло и чисто. Умяв предложенные хозяином горшок простокваши, кольцо колбасы и полковриги хлеба, мы с эмпиром критически обозрели шаткие лавки и комфортно разместились прямо на полу, расстелив выданные хозяином одеяла и подушки. Сам мужик протяжно зевнул, помолился королеве Смерти и с кряхтеньем забрался на печку, вежливо пожелав нам спокойной ночи. И я совсем уже задремала, когда Зоргана некстати пробило еще на одну попытку…

– Давай стоя! – нетерпеливо командовал Зорган.

– Давай!

– Эх, не получается! – Эмпир взбешенно скрипнул зубами. – Садись на лавку и упрись спиной в печку…

– О-о-ох!.. Ты мне чуть руку не оторвал, – окрысилась я. – И печка как-то подозрительно поскрипывает…

– Прости, но и так ничего не выходит! – повинился любимый. – Вставай на колени…

…На печке послышалось заинтригованное шебаршение, и вниз свесилась лохматая голова хозяина, похоже разбуженного нашими бесплодными попытками.

– Да не напрягайся ты так! – с рычанием потребовал Зорган, его красивое лицо побагровело от тщетных усилий, на челюсти вздулись желваки.

– А ты меня не дергай резко! – парировала я, прикусив губу от нестерпимой боли. – Ой!

…Голова хозяина свесилась еще ниже…

– Есть хоть какое-то движение? – Зорган сорвался на крик.

– Нет!

– Эх!

– Ах!

Но тут раздался жуткий грохот, и на наши упревшие от тщетных усилий головы поочередно свалились сначала дубовый ушат, к счастью – пустой, потом железный котелок, затем – связка вяленых лещей, а напоследок – и сам хозяин…

– Мужик, ты чего? – оторопело спросила я, потирая ушибленный нос.

Зорган смачно ругался, стаскивая с головы гулкий котелок…

– Да ничего! – Разочарованно почесывая отбитый бок, явно обиженный нами хозяин полез обратно на печку. – Просто любиться надо проще, по-людски, а не с таким извращенным переподвыподвертом – как вы…

Я растерянно хлопала ресницами, не понимая – о чем это он? Мой распухший, посиневший палец отзывался острой, пульсирующей болью. Зорган виновато подул на мою истерзанную руку, нашептывая слова извинения и утешения. Мы повторяли свои безуспешные попытки ночь за ночью, но пока, увы, так и не сумели снять с моего пальца треклятое волшебное обручальное кольцо…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Княжна! – Дикий, призывный вопль, донесшийся с палубы, вырвал меня из объятий сладкого послеполуденного сна, чуть не оглушив и едва не превратив в заику.

– Какого рожна? – возмущенно вопросила я, непроизвольно дернулась и выпала из корабельного гамака, окончательно просыпаясь. Помнится, красногорский воевода Нелюд – и по совместительству мой воспитатель в ратном деле – любит вворачивать в свои речи одну занятную фразу, звучащую так: хорошо сказанное слово действует куда лучше, чем метко брошенный топор. И то верно, ибо такое слово если и не убивает, то с ног сносит мгновенно. Вот так и со мной, я уже привыкла – если меня кто-то зовет, причем таким вот, как сейчас, истеричным голосом, значит, случилось что-то нехорошее. Всенепременно и бесповоротно, ибо наше обычное невезение почему-то не пожелало остаться на берегу и тоже отправилось в плавание к острову Ледница. За компанию с нами, так сказать. Интересно, а ему-то какого гоблина там понадобилось?

Предаваясь этаким безрадостным мыслям, я довольно неуклюже вскарабкалась по ведущей из трюма лестнице и выбралась на палубу «Мавиэль-дес-Наорт», легкой бригантины, принадлежащей Слепому стрелку, нелюбезно согласившемуся доставить нас на вожделенный остров. Нелюбезно, потому что я буквально вынудила его отправиться в это путешествие, выполнив поставленное мне условие, изначально казавшееся совершенно невыполнимым. Подозреваю, Стрелок уже неоднократно пожалел о данной мне клятве, но не решился запятнать свою честь, отказавшись от прилюдно брошенного обещания. Как всем известно: не давши слово – крепись, а давши – держись. Его ведь никто за язык не тянул, не так ли? А возможно, и тянули – сама судьба, и именно поэтому мы очутились на борту «Мавиэли».

Мы – это шестеро Воинов Судьбы, вознамерившихся спасти наш мир от грядущей гибели, как бы пафосно ни звучало подобное заявление. Честно говоря, сама не понимаю, как нас угораздило вляпаться в череду самых невероятных приключений, приведших в итоге к столь печальному концу – походу на зачарованный остров. Ведь если рассуждать объективно, нужно быть законченным идиотом или же безмерно самоуверенным храбрецом, чтобы отважиться на такое – добровольно отправиться во владения королевы Смерти, откуда никто еще не возвращался целым и невредимым. И я еще совсем не определилась, к коей из этих двух категорий следует относить всех нас!

Но так или иначе, а против фактов не попрешь, и поэтому приходится констатировать очевидное: в данный момент мы все находимся на борту бригантины и продвигаемся в сторону Ледницы. Причем каждого из нас помимо избитой мечты о мире во всем мире ведет еще и сугубо индивидуальное, заветное стремление. Лично мне очень хочется внести хоть какую-то конкретику в свое туманное, нет – даже устрашающее будущее, напророченное Раскладом Судьбы. Двум аристократам-эмпирам – Зоргану и Вольдемару из дворянского рода дер-Сольен – нужно определиться: кто из них унаследует корону и станет править маркграфством Эйсен. Дракон Трей жаждет доказать всем, и в первую очередь самому себе, что он отнюдь не трус и не слабак. Эльфийский принц Тайлериан избрал участь бродячего менестреля, отрекшись от трона, а юная ведьма Лизелотта – чудом избегшая гибели на костре, пытается утвердиться в дарованных ей магических способностях. И при этом все мы настолько очевидно не уверены в своих силах, настолько нуждаемся в помощи и подсказке, что готовы искать их даже за тремя морями. Или на острове Ледница, на худой конец. Ведь кто еще кроме владычицы Смерти способен разобраться в окружающих нас загадках?

– Наши дела очень плохи, княжна! – мрачно сообщил Слепой стрелок, занявший наблюдательный пост возле борта бригантины. – И неминуемо станут еще хуже!

Мне вовсе не нужно было обладать какой-то особенной прозорливостью, чтобы немедленно догадаться – наш сварливый слепец и явился источником того дикого вопля, который совсем недавно вырвал меня из сонного забытья. Эльф стоял, небрежно возложив руки на планшир, а его безглазое лицо выглядело настолько сосредоточенным, будто он уж если и не видел, то, во всяком случае, как-то по-другому чувствовал приближение грядущей опасности. Возможно – интуитивно, а интуиция – это вам не берестяная свистулька, ее просто так со счетов не сбросишь.

– Не каркай, – сердито пробурчала я, пошире расставляя ноги и пытаясь приноровиться к бурному плеску волн, вовсю раскачивающих корабль. – И прошу, не увлекайся пророчествами. Не твоя они стихия.

– Это отнюдь не пророчества, – саркастически усмехнулся слепец, – это всего лишь закономерное следствие твоего упрямства. Вспомни, я ведь отговаривал тебя от принятия оного скоропалительного решения. Тогда мы еще имели возможность отступить. А сейчас… Видишь, – он устремил вперед костлявый палец, указывая на белые буруны волн, – мы вошли в воды Холодного моря. Здесь всегда штормит, а течение несет льдины и комья снега. С каждым днем воздух будет становиться все холоднее, пищи тут не найти, а ближайшая возможная суша – сам остров Ледница, если, конечно, мы сумеем его достичь… – Теперь улыбка Стрелка из предостерегающей превратилась в откровенно язвительную. – К тому же скоро ваш дракон выдохнется, упадет в воду, ведь отдыхать ему негде, и тогда…

Я обеспокоенно подняла глаза, вглядываясь в очертания фигуры Трея, парящего в небе над кораблем. Усталые взмахи его крыльев действительно не внушали оптимизма. В затеянном мною походе дракону приходилось тяжелее всех. Правда, иногда он все-таки опускался на мачты бригантины, но его немалый вес тут же нарушал осадку легкого корабля, заставляя судно погружаться в воду значительно ниже уровня ватерлинии. Поэтому каждый отдых дракона продолжался недолго, угрожая потоплением хрупкой «Мавиэли». Я озабоченно нахмурилась. М-да, Стрелок прав – дракон не может лететь вечно. И выходит, если я не придумаю что-то действенное, то…

– Тогда дракон умрет! – убежденно произнес неслышно подошедший к нам Зорган, сочувственно сжимая ладонью мое плечо. – И ты ничего не сможешь с этим поделать…

– Еще чего! – возмущенно зашипела я, оборачиваясь и сверля прекрасного эмпира негодующим взглядом. – Обещаю, я что-нибудь придумаю.

– Ну-ну… – недоверчиво хмыкнул виконт. – Рогнеда, скажи, когда ты избавишься от этого дурацкого комплекса ответственности за всех нас? Клянусь демонами, ты похожа на курицу-наседку, беспрестанно трясущуюся над своими цыплятами. Каждый из нас добровольно избрал свою судьбу, а посему тебе не пристало сдувать с нас пылинки и пытаться грудью закрыть от подстерегающих впереди бед. Кстати, это совершенно невозможно!

– Именно так, – отчетливо прилетело сверху.

Оказалось, что дракон отлично расслышал сию печальную, абсолютно не предназначенную для его ушей беседу и поторопился выразить свое мнение. К слову, совсем меня не устраивающее. И потом, понятия не имею, чем и как он слышит вообще, но приходится признать: слух у дракона отменный, характер – поистине железный, а норов упрямее, чем у моего коня Орешка, оставленного на берегу под присмотром местного трактирщика. Короче, Трей – настоящий мужчина, со всеми полагающимися от природы достоинствами и недостатками. Жаль только, что он не человек.

Не вступая в пререкания, я в ответ лишь гневно прикусила губу и строптиво покачала головой. Я все равно не отдам Трея смерти. Он мне нравится. Наш дракон честный, смелый и добрый. Я не допущу, чтобы он умер. Еще чего! Это… это же нечестно!

В глубине души я отлично осознавала всю беспочвенность своей самонадеянности. С судьбой не поспоришь… Но разве не этим я занимаюсь последнюю пару месяцев – и даже достигла кое-каких заметных результатов? Да, все обстоит именно так! Хотя некий крохотный закоулок моего сознания, обычно именуемый здравым рассудком, уже неоднократно подсказывал – рано или поздно судьба все равно возьмет реванш и сполна отплатит за отвоеванные у нее очки. Кто знает, какие козыри припрятаны у нее в рукаве? А не намерена ли она смухлевать?..

На этой аккордной мысли я запуталась в собственных выводах и утратила нить размышлений. Честно говоря, выспренние философствования о заумных высших материях никогда не являлись сильной стороной моей натуры. Вот если нужно в морду кому дать, нахамить или пакость какую придумать – это запросто. А все прочее… Наверное, я неправильно расставляю приоритеты. Наверное, не нужно пытаться препарировать свою жизнь. Ведь ты появляешься в ней нежданно-негаданно и делаешь ровно столько, сколько успеваешь. И не стоит забивать себе голову всякой ерундой.

– А вы чем тут занимаетесь? – спросила я у Зоргана, стремясь сменить тему разговора.

Эмпир насмешливо прищурился, отлично разгадав мой дипломатический маневр. Его черные глаза немного припухли, на скулах залегли темные тени, элегантное кружевное жабо оказалось расстегнуто и теперь небрежно болталось поверх воротника камзола.

– У тебя лицо опухшее, – с подозрением уточнила я. – Ты пил?

– Ни-ни, просто мы вчера всю ночь со злом боролись! – с вызовом хохотнул мой любимый мужчина. – А чем еще тут заниматься прикажешь?

– Победили? – желчно поинтересовалась я.

– Нет, еще осталось. – В качестве аргумента он выпростал из-за спины доселе спрятанную там руку, предъявляя мне квадратную бутыль, до половины наполненную мутным самогоном. – Будешь?

– С кем пил? – Я брезгливо принюхалась к неаппетитному сивушному запаху, исходящему от предложенной мне тары.

– С Вольдемаром и Таем, – не стал скрывать эмпир. – От безысходности. А посему не занудничай, милая!

Я озадаченно вздохнула. Оказывается, враг не всегда является врагом, а друг – другом. Нет, здорово, конечно, что мои спутники позабыли о своей прежней вражде, плохо другое – они пали духом и пытаются любым способом избавиться от гнетущего чувства обреченности. Не то чтобы я причисляла себя к убежденным абстинентам[1], но зачем же впадать в наивность и пытаться утопить свой страх в самогоне? Ибо дрянь, как известно, не тонет. К тому же мне очень горестно осознавать, что мои друзья так рано сдались на волю злодейки судьбы, ведь мы еще даже не достигли Ледницы!.. А что тогда будет дальше?

– Помнится, ты никогда не испытывал особенно теплых чувств ни к своему двоюродному братцу, ни к моему потенциальному жениху, – напомнила я, пристально всматриваясь в лицо Зоргана. – С чего вдруг ты пошел на сближение с ними?

– Ну да, – эмпир критически улыбнулся, иронизируя над самим собой, – как я мог забыть, что люблю только казни, поножовщину, интриги и удары в спину… Вроде бы все… – Он демонстративно напустил на себя задумчивый вид. – А-а-а, нет! Еще тебя! Еще котят и прянички…

После этой реплики я невольно рассмеялась, обезоруженная его лукавством. Зорган придвинулся поближе, наклонился к моему уху и прошептал уже с совершенно серьезными интонациями:

– Рогнеда, мне страшно!

---

[1] **Абстиненция** – *здесь*: полное воздержание от употребления спиртных напитков.

Я воззрилась на эмпира с недоумением. Что за чушь? Да ведь он не боится ничего и никого, даже демонов с Нижнего уровня!

– Поверь, мне действительно страшно! – повторил Зорган, ничуть не стыдясь подобного проявления вопиющей немужественности. – Признаюсь, я видел и сделал много чего плохого в жизни, я предавал и убивал, дорогая. И у меня ни разу не екнуло сердце. Но теперь, – виконт печально вздохнул, – мы плывем навстречу смерти, причем она способна настигнуть нас гораздо раньше, чем мы окажемся к тому готовы. Рогнеда, пойми, мы никогда не сумеем обыграть смерть. Кого угодно и где угодно, но только не ее! Рогнеда, давай повернем обратно. Умоляю тебя, повернем – пока еще не поздно, пока еще можно спасти хоть кого-то из нас…

Я ошеломленно хлопала ресницами, онемев от ужаса. Внутренний голос подсказывал: Зорган прав – сто, тысячу раз прав! Только теперь до меня начало доходить, в какую безнадежную авантюру мы ввязались! Мы ищем смерти… Ищем по своей воле, по моей вине и инициативе!

Я беспомощно огляделась, надеясь найти ответ на лицах окружающих меня друзей. Кайра лениво полировала свою рапиру, устроившись на юте. Бледная Витка, страдающая от очередного приступа морской болезни, держалась поближе к борту – справедливо не доверяя слабому желудку. Михась невозмутимо дрых, удобно развалившись на бухте каната, а крыса Грымза свернулась в комочек у него на животе и ритмично покачивалась в такт равномерному дыханию моего оруженосца. Лиззи и Вольдемар вполголоса обсуждали дрянную погоду, иногда как бы случайно косясь на меня. Слепой стрелок усиленно делал вид, будто его абсолютно не касается затеянный Зорганом разговор, хотя, бесспорно, не упустил ни одного произнесенного нами слова. Все они производили впечатление таких невинных, таких беспомощных существ, что в мою душу невольно закралось сомнение, касающееся адекватности принятого мною решения. А не много ли я на себя взяла? Имею ли я право рисковать жизнями своих друзей?

Каюсь, именно в этот самый миг я едва не проявила малодушие, уже почти готовая скомандовать отступление. Ведь это же так просто – взмахнуть рукой и выкрикнуть: живо разворачиваемся назад и плывем домой! И я уже приоткрыла губы, готовая признаться в собственной трусости, как вдруг сидящий на ступеньке трапа принц Тайлериан взялся за гитару и, словно угадав терзающие меня мысли, бравурно запел:

Не бойся препятствий, не бойся преград,
Судьбы не страшись понапрасну,
Отметься ты в жизни словами баллад,
Порою пропетых совсем невпопад —
Но чувствам не давших погаснуть.

Пусть ветер и вьюга сковали нам кровь,
С прямой не свернем мы дороги,
Упрямо сквозь снег пробираемся вновь,
На сердце лелеем тоску и любовь —
Ведь так завещали нам боги.

Коль в замысел высший вмешаться посмел,
Поверь, что проверки достоин,
Отныне борьба – твой зарок и удел,
Ты нынче для дел и свершений созрел —

Как каждый решительный воин…[2]

Ветер, подхвативший последний куплет этой песни, рывком надул паруса бригантины, швырнув мне в лицо пригоршню отрезвляющих брызг. Я до боли прикусила нижнюю губу и сумела выдавить бледное подобие дерзкой улыбки, ощущая на языке вкус крови. Зорган понимающе подмигнул и отпил из бутылки, спеша отметить принятое мною решение – теперь уже окончательное и бесповоротное. Кайра одарила меня хмурой улыбкой и еще громче застучала точильным бруском. Витка тяжело сглотнула и помахала рукой, показывая: я в порядке. Похоже, все мы немного приободрились и поверили в удачу, всегда благоволящую к героям. Ну, или к дуракам, что в принципе и есть то же самое. Я заставила себя максимально распрямить спину и принялась пристально вглядываться в даль, надеясь увидеть долгожданный остров. Я знаю – мы на него непременно попадем, я это нутром чую. Попадем назло всем и вся, вопреки происках судьбы и собственному невезению. А что касается моих недавних колебаний и плохих предчувствий, то спишу-ка я их на плохое настроение и минутную слабость… Да-да, я поступлю именно так, ибо любую депрессию нужно встречать с улыбкой. Тогда она подумает, что ты идиот, – и сбежит… А я пошлю прощальный поцелуй ей вслед и уже больше никогда не поддамся сомнениям.

И будь что будет!

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг растерянно поковырялся в ухе, извлек кусочек серы и столь же непроизвольно бросил его в волшебный котел, вновь наполненный свежим варевом и опять установленный над огнем. Колдун пребывал в медитативной задумчивости, размышляя над сутью и природой явления, называемого «невезение». Возможно, оно заразно и передается воздушно-капельным путем, преодолевая огромные расстояния? Возможно, оно сродни проклятию и обладает эффектом обратного отката, переходя на того, кто желает зла другому? Возможно, его вообще невозможно понять и укротить?

Гедрон поболтал опущенным в котел пальцем, совершенно не ощущая жара, исходящего от бурно кипящего магического состава. Его уже не интересовали страдания плоти, ибо он стремился постичь силу духа, движущую теми, кто принял на себя обет спасения мира и стал Воинами Судьбы. Недавняя зависть к ним практически прошла, сменившись откровенным недоумением. Ему бы только узнать: откуда черпают они свое вдохновение и возможно ли их победить? А если возможно, то как? Он был готов поклясться собственной душой, что испробовал все известные ему способы! Гедрон поворошил шесть лежащих на столе кукол-вольтов и недоуменно хмыкнул. Он почти признал их непобедимыми, почти смирился со своим поражением, почти уже сдался… Но разве можно отказаться от желания отомстить равнодушным богам, искалечившим его душу и тело, загубившим молодую, едва начавшуюся жизнь наивного юноши? Зачем тогда продлевать свои нынешние мучения?

Чернокнижник склонился над котлом, испытывая непреодолимое желание утопиться в кипящем вареве. Горе ему, ибо он забыт всеми, он один – сидит словно сыч в своей башне и никому уже не нужен. Король Халлагиэль готовится к войне с кланом Белой розы, пользуясь удобным моментом – состоянием разброда и шатания, наступившим в Эльсиле после смерти короля Рагнара и бегства принца Тайлериана. Гранд-мастер тоже позабыл о своем верном слуге, увлеченный подкинутым Гедроном планом. Сестрица принца демонов – чернокудрая Ринецея сумела втереться в доверие к Пресветлой богине Аоле и теперь пребывает в статусе ее любимой ученицы. О, отныне перед демонами открылись захватывающие перспективы – возможность покинуть давно опостылевший Нижний уровень, насквозь пропитанный запахом пепла и серы, а гранд-мастер так и рвется на свободу. Зря люди считают, будто самые страшные

[2] Здесь и далее стихи автора.

наказания – это боль, унижения и клевета. Они ошибаются. На самом деле в мире нет ничего ужаснее одиночества, забвения и равнодушия. Ибо если боль можно превозмочь, унижение смыть кровью, а клевету опровергнуть вескими аргументами, то перед одиночеством, забвением и равнодушием бессильны все, даже всемогущие Пресветлые боги. И Гедрон не сомневался, что в самом скором времени боги на собственном опыте убедятся в справедливости оной немудреной истины. И тогда наивный молодей жрец будет отмщен. Впрочем, все это неминуемо произойдет в будущем, а пока он бессилен что-либо изменить… Остается только ждать…

Облака кучно бежали по серому небу. Лла-Аррастиг оперся о подоконник, любуясь буйством воздушной стихии и восхищаясь ее мощью. Ему подвластно многое, но в мире существует и то, управлять чем еще не научился никто. Можно лишь временно воспользоваться возможностями четырех природных стихий: воздуха, огня, воды и земли, но абсолютно подчинить их себе – нереально, ибо они слишком велики и еще не познаны полностью. Они тоже одиноки и забыты, как и он сам… Тут вдруг чернокнижник озаренно хлопнул себя по лбу и метнулся обратно в глубь комнаты, подскочив к волшебному котлу…

Так и есть! Гедрон победно расхохотался. Все оказалось просто, предельно просто! Решение его проблемы лежит на поверхности, причем на поверхности во всех смыслах этого слова. Колдун напряженно вглядывался в волшебное варево, являющее ему изображение корабля, плывущего по бескрайней морской глади. Корабля, везущего его врагов! Чернокнижник насмешливо смахнул разложенных на столе вольтов и, повернувшись к книжному шкафу, принялся копаться в его захламленных недрах, отыскивая нужный манускрипт. И как же он не догадался раньше? Уж если ему не удалось втянуть в неприятности Воинов Судьбы, то следует действовать наоборот – обрушить эти неприятности на их бесшабашные головы. Корабль плывет по морю, а следовательно – колдуну только и нужно, что взбудоражить водную стихию, обратив ее мощь против ничего не подозревающих путешественников. О нет, ему не под силу целиком всколыхнуть морскую махину, но зато он придумал нечто более занимательное, более оригинальное… Гедрон наконец-то нашел искомую рукопись, торопливо пробежался по ней глазами и склонился к котлу, шепча нужное заклинание… Тонкие губы чернокнижника изогнулись в ликующей ухмылке. Долгожданный миг его торжества близится. О, последующие несколько часов обещают стать весьма и весьма увлекательными…

Миновал еще один день пути, а столь желанный для нас остров так и не показался. Луч света, испускаемый волшебным амулетом, по-прежнему ровно прочерчивал водную гладь, прокладывая нам курс, но, увы, единственными встречающимися ему препятствиями были лишь довольно крупные льдины, покачивающиеся на поверхности моря. Ощутимо похолодало. Я, закутавшись в теплый плащ, стояла на носу бригантины и пыталась подбодрить Трея, развлекая его шутливой беседой ни о чем. Дракон спустился ниже и теперь летел над самыми мачтами «Мавиэли», лишь изредка равномерно и скупо взмахивая крыльями. Он весьма успешно парил в струях попутного ветра. Наш крылатый друг экономил силы.

Я шмыгнула носом и украдкой утерла его рукавом рубашки. Кажется, простыла. А может, это все пронизывающий ветер виноват – выжимает сопли из носа и вышибает слезы из глаз. Или терзающее меня чувство вины за неприятности, в которые я сознательно втянула своих друзей… Вина перед самим собой вообще самая страшная вещь в мире, ибо от нее не спрячешься и не укроешься. Эх, жизнь наша невезучая!.. Воздух звучно посвистывал под крыльями Трея, создавая на редкость думательную атмосферу. Сама того не желая, я постепенно погружалась в нерадостные размышления, полностью соответствующие моему нынешнему настроению…

Интересно, а что в жизни самое главное? Любовь, дружба, уважение или самоуважение? И научусь ли я когда-нибудь делать то, что нужно и важно? Полагаю, нужно уметь вовремя разбить треснувший бокал, а не цепляться за испорченное. Дорожить людьми, которые оста-

ются с тобой несмотря ни на что. Уходить оттуда, где тебя не любят и не дорожат тобой. Кстати, именно это я уже и проделала! Нужно уметь находить радость не в сокровищах и почестях, а в обычной чашке горячего чая. Не слушать слова, не представляющие ценности. Дорожить своим временем. Благодарить жизнь даже за малейшую радость. Нужно уметь прощать тех, кого еще можно простить. Уважать себя и других за то, что они делают. Не тратить себя попусту. Понимать тех, кто хочет, чтобы их поняли. Стремиться к невозможному. Бороться за свою мечту и добиваться ее. Вот что нужно уметь. А остальному можно научиться…

– Рогнеда! – окликнул меня заскучавший дракон. – Чего вдруг примолкла? Ты там, часом, не померла ли?

– Не дождетесь! – буркнула я, встрепенувшись. – Я, конечно, понимаю, что если хочешь услышать о себе много хорошего, то умри… Но в моем случае это как-то преждевременно. Не находишь?

Дракон издал саркастичный смешок, способный сойти и за «да», и за «нет». Ушел от прямого ответа. Я восхищенно улыбнулась. Ну и язва же он, ничуть не хуже меня. Правильно говорят: некоторым людям при рождении нужно завязывать не только пупок, но и рот. Похоже, драконам тоже, хотя гоблин его знает – есть ли у драконов пупок!

– И когда ты перестанешь меня поддевать? – напрямую спросила я. – Вроде бы мы с тобой давно уже помирились.

– Только после вас! – галантно парировал Трей. – А знаешь, жаль, что ты не драконица. Я бы на тебе женился.

Я прикусила язык, проглотив едва не сорвавшуюся с него колкость. Помнится, он и раньше выражал подобное сожаление о «не драконица». Возможно, это и шутка, но в каждой шутке содержится доля истины. К тому же он тоже мне нравится… Но ни к чему мне выказывать излишнюю симпатию по отношению к дракону, а то, не ровен час, Зорган обо всем догадается, приревнует и вдрызг разругается с нашим летуном. С эмпира станется, он и не на такое способен. Следовательно, придется опять все свести к шуточкам. В конце концов, мы, женщины, – слабый пол. Мужчины – якобы сильный. А в борьбе с сильными все средства хороши.

На этом мои размышления об отношениях с драконом закончились, ибо на палубе появился Зорган. Подозрительно посмотрел на меня, с еще большей подозрительностью глянув вверх и принялся насвистывать с деланой беззаботностью, изображая полнейшую невозмутимость. Очевидно, что-то почувствовал или о чем-то догадался. Я хмыкнула, плотнее завернулась в плащ и присела возле мачты бригантины, приготовившись наблюдать за всем, должным произойти на палубе. Накопившееся у нас напряжение рано или поздно даст знать о себе, вылившись в какое-нибудь столкновение. И интуиция подсказывала мне, что это произойдет в самом ближайшем будущем…

Явно разыскивая, к чему бы приложить бездеятельного себя, виконт горделиво продефилировал по палубе и внезапно зацепился взглядом за тихонько прикорнувшую в уголке парочку – принца Тая и его ненаглядную Витку. Глаза Зоргана проказливо вспыхнули… Он придвинулся поближе к увлеченным друг другом влюбленным и навострил уши…

– Я тебя люблю, обожаю, нежно соплю в ушко… – упоенно ворковал Тайлериан, страстно обнимая зардевшуюся словно маков цвет Витку и не замечая ничего вокруг.

– Не, а соплю-то зачем? – обидно заржал нахальный эмпир. – Фу, а еще принц называется! Ну и манеры…

– Какого гоблина к нам цепляешься? – возмутился менестрель, надвигаясь на эмпира с угрожающе сжатыми кулаками. – Ты чего, белены объелся?

Витка сконфуженно пискнула, метнулась к неодобрительно наблюдающей за виконтом Кайре и спряталась за ее крепкую спину.

– Ну вот, прошла любовь, завяли помидоры! – ехидно прокомментировал ее бегство Зорган.

– За своим огородом следи! – не остался в долгу находчивый Тай. – Вон Рогнеда недавно дракону глазки строила. Ему, а не тебе! – Он откровенно наслаждался обиженно вытянувшимся лицом своего оппонента.

Я, хоть и ожидала скорого конфликта, недовольно поджала губы. И кто, спрашивается, принца за язык тянул? Похоже, ему тоже при рождении не все завязали.

– Не свисти, врун! – взбешенно огрызнулся эмпир.

– А я и не свищу, тьфу, то есть не свистю, – парировал эльф.

– Свистишь! – не отставал эмпир.

– Не свистю! – упирался принц.

– А правда, кто же тогда свистит? – изумленно приподняла брови доселе молчавшая Кайра. – Причем противно так – тоненько и въедливо…

– Она права, – поддержала Витка. – Я тоже это слышу.

Я удивленно прислушалась. Действительно, в воздухе витало что-то непостижимое, неслышное уху. Вроде бы свист, но вроде и нет. Определенно оный звук существовал в реальности, но я не слышала его физически, хотя он настойчиво ввинчивался в мозг, вызывая жутко неприятные чувства. Едва я осознала его негативное воздействие, как мне тут же захотелось где-нибудь спрятаться, укрыться от этого свиста – вынимающего из меня душу, сводящего с ума, буквально выворачивающего наизнанку весь организм.

– Я больше не могу это терпеть! – Витка сжала виски руками и так решительно шагнула к борту, словно намеревалась броситься в море. – Это невыносимо!

– Куда! – Зорган успел поймать ее за меховой воротник плаща. – Стоять, бояться!

– И так уже боимся, – морщась от боли, проворчала Кайра. – Куда уж пуще-то.

Все собрались на палубе, галдя и гадая, что за очередная напасть на нас свалилась. Правда, в спор вмешался дракон, со стоном поправив, что не «на пасть», а на голову. С ним никто не спорил. Тай тщетно прикрывал макушку гитарой, стремясь избавиться от жутких звуков; Вольдемар мужественно зажимал уши Лиззи, а та в свою очередь – крысе Грымзе, предобморочно закатывающей глазки. В общем, ситуация, возникшая на корабле, быстро скатывалась к неуправляемой панике.

– Ты случайно не подскажешь, что это за дрянь? – спросила я у Не знающего промаха стрелка, со скрещенными на груди руками замершего возле штурвала.

– Подскажу, – снисходительно кивнул слепец. – Это начинаются те самые неприятности, которые я тебе напроро… Тьфу, вернее, от коих я тебя недавно предостерегал, – спохватившись, поправился он. – Помнишь?

Я упрямо вздернула подбородок, дескать: не попрекай, и сама понимаю – не отдыхать плывем!

– И все же? – почти умоляла я.

– Одни называют этот свист голосами морских сирен, – снизошел до пояснений Стрелок. – Другие предпочитают версию, будто так поют киты в свой брачный период. Но я склонен думать, что нас настигло дыхание самого моря, кем-то разбуженного и взбудораженного. О, великая водная стихия не прощает насилия над собой и будет сопротивляться, ибо путь на Ледницу – самая великая из ее тайн. А мы ее раскрыли с помощью найденного тобой путеводного артефакта. Поэтому в отместку Холодное море медленно, но верно доведет нас до безумия. Либо мы лишимся рассудка и добровольно попрыгаем за борт, пытаясь избавиться от губительного свиста, либо наши вены лопнут и мы истечем кровью не сходя с корабля. Выбор у нас невелик!

Я уныло хмыкнула. Ничего себе перспективочки!

– От этого свиста как-то можно избавиться? – без особой надежды на вразумительный ответ спросила я.

– С помощью глухоты! – невесело хохотнул Стрелок. – Желаешь попробовать?

В Нарронской академии благородных девиц меня обучали азам лекарского искусства, в коем, правда, я особо не преуспела. И все-таки моих скудных познаний хватало для осознания того, как возникает глухота. Если нарушить целостность тонкой перепонки, располагающейся в глубине ушной раковины, то получишь ту самую искомую глухоту. Хотя не исключено, что в этом случае она окажется окончательной и неизлечимой. Нет, такой вариант решения проблемы меня не устраивает. Придется придумать нечто другое… Я задумчиво поковырялась у себя в ухе, отстраненно наблюдая за друзьями, бестолково мечущимися по палубе бригантины. Ухо отозвалось неприятным зудом, частично по причине все нарастающего свиста, а частично из-за того, что вот уже несколько дней мы все не принимали ванну и успели обрести довольно неряшливый внешний вид. А ведь если уши не мыть несколько дней, то они… Стоп! Тут меня осенила спасительная идея. Помнится, в библиотеке все той же злополучной академии мне довелось откопать невероятно интересную книгу, повествующую о приключениях древнего героя, носившего имя Улисс. Он, подобно нам, тоже отправился в длительное морское плавание, а потом его корабль достиг удивительного острова, на коем и проживали сирены – своим волшебным пением завлекавшие моряков на скалы и топившие все проплывающие мимо суда. Но Улисс сумел спасти свою команду, ибо он…

– Стрелок, – во все горло завопила я, – на твоем корабле есть воск?

– Конечно, есть. – Безглазое лицо Стрелка изумленно вытянулось. – Я обмазываю им пеньковые канаты, дабы придать им водоотталкивающие свойства. Но зачем он тебе понадобился?

– Неси! – ультимативно приказал я, не вдаваясь в дальнейшие объяснения. – Немедленно!

Слепец ненадолго скрылся в своей каюте и вскоре вернулся, вложив в мои дрожащие от радостного возбуждения руки небольшой глиняный горшочек. С изуродованного лица нашего капитана по-прежнему не сходило недоуменное выражение.

Я бережно приподняла закрывающую горшок крышку. Внутри сосуда обнаружился внушительный кусок желто-бурой пластичной массы, податливо проминающейся под моими пальцами. Я отщипнула немного воска, скатала из него два шарика и засунула их себе в уши. Трудно описать словами, какое неимоверное облегчение тут же снизошло на мои измученные тело и душу, ибо воск не пропускал ни звука – полностью устранив воздействие изматывающего свиста. Кажется, я снова смогла обхитрить жестокую судьбу, еще на шаг приблизившись к заветной цели – победе над собственным невезением. Мне опять захотелось дышать, жить и любить.

Поочередно обойдя всех друзей, я воспользовалась все тем же воском, избавив их от страданий. Эти же самодельные беруши я предложила и Трею, успешно использовавшему оные по назначению. Ума не приложу – куда он их приспособил, но, судя по его счастливой морде, воск сработал безотказно. До сих пор не уверена насчет пуповины, но получается – уши у драконов все-таки есть!

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг сидел на полу своей лаборатории, неловко привалившись к поддерживающему котел треножнику, и давился тихим, истерическим смехом. Глаза колдуна горели безумным светом, губы жалко тряслись. Подумать только, эти Воины Судьбы опять его перехитрили, избежали столь искусно расставленной западни и выжили. В очередной раз выжили! А он-то так надеялся, что на сей раз удача ему улыбнется. Но, видно, не судьба. Бывший жрец окончательно уверовал в справедливость своих выводов, касающихся странной природы того самого явления, которое он называл «тотальным невезением». Увы, оно перешло на него.

Теперь Гедрон знал точно – справиться с Воинами Судьбы в одиночку ему не удастся. Он уже выдохся и разочаровался в самом себе, убедившись в собственной несостоятельности. Можно прыгнуть через голову соседа или соперника в какой-то сфере деятельности, но

через свою голову, увы, не перепрыгнешь. Чернокнижник достиг предела своих возможностей и полностью исчерпал доступную ему магию, но – вопреки горечи и обеспокоенности – отнюдь не собирался сдаваться. Нет, он не отступит перед лицом своего персонального невезения и не откажется от мечты отомстить жестоким богам, лишившим его внешней красоты и прежней духовной чистоты. Он обязательно придумает нечто действенное, способное привести к желанному результату. Ценой своей жизни или как-то иначе он все равно низвергнет Пресветлых богов с их звездного престола – заставив пройти через все муки и испытания, выпавшие на его долю. Отныне его девиз жесток: око за око, зуб за зуб. Но учтите, боги, на что-то меньшее – он не согласен…

И будь что будет!

Глава 2

Погода заметно ухудшилась. Резкие порывы северного ветра нещадно бросали бригантину из стороны в сторону, заставляя акробатически, вниз носом нырять в провалы между волн. Штормило настолько сильно, что укачало всех без исключения – даже морально непоколебимую меня. С трудом сдерживая рвотные позывы, я цеплялась за привязанный к лееру канат и доставала Слепого стрелка нудными расспросами:

– Ты ведь уже бывал на острове?

– Доводилось! – скупо обронил он, обратив безглазое лицо к изгибистой водной линии горизонта. – К сожалению…

– И? – с напором вопросила я.

– Ничего хорошего там нет, – расщедрился на комментарий слепец. – Одни только испытания, трудности и смерть…

– Ык! – оторопело икнула я. – Как это?

– А так, – мстительно рассмеялся мой собеседник. – Или ты ожидала, что все ваши желания исполнятся на халяву? Нет, вам придется очень дорого за них заплатить, как, например, заплатил я… – И он многозначительно провел рукой по своему ужасному шраму, пересекающему лицо на уровне глазных впадин – от виска к виску.

– Рассказывай давай все подробно! – ультимативно прорычала я, подбираясь ближе и хватая слепца за отвороты камзола. – Все без утайки.

– Да пожалуйста, – равнодушно пожал плечами Стрелок. – Остров Ледница – это то самое место, куда стремятся все паломники, имеющие нереализованное заветное желание. Ну, типа, когда все другие способы достижения цели уже испробованы, отвергнуты и остается последний, сакральный путь к мечте. Конечно, многие погибают или уплывают совершенно не туда, но все-таки единицы достигают берега Ледницы и начинают ждать судьбоносного мгновения…

– Какого? – не поняла я.

– На берегу владений королевы Смерти установлен камень, на коем прописаны правила путешествия в глубь острова, – невозмутимо продолжал слепой. – Раз в пять лет возле камня появляется жрец из Храма Смерти и объявляет начало похода. По его команде группы искателей удачи вступают на дорогу испытаний, ведущую к Храму Смерти. Свернуть с нее уже невозможно, ибо каждого отступившего и струсившего беспощадно истребляют храмовые Охотники, незаметно сопровождающие паломников. Если путешественники сумеют избегнуть всех расставленных ловушек, не перебьют друг друга по пути, не попадутся Охотникам, не рассорятся с коренными жителями острова, разгадают все найденные подсказки и правильно ими воспользуются, то они достигнут храма, и тогда королева выполнит их заветные желания.

– И скольким паломникам удается дойти до храма? – с замиранием сердца спросила я, в глубине души совершенно не надеясь на положительный ответ.

– За всю историю существования острова в храм пока еще не попал никто! – злорадно каркнул слепец. – Теперь ты узнала истину: вы плывете на убой, глупцы.

– Чтоб тебя забрали демоны Нижнего уровня, проклятый ублюдок! – возмущенно заорала я. – Почему ты нас обманул, почему утаил от нас эту информацию?

– Не жди от меня извинений, княжна, – язвительно рассмеялся калечный эльф. – Когда я пытаюсь извиниться, у меня всегда получается двусмысленное нечто в стиле «сами виноваты, кретины тупые». Вы приняли решение и сами за него отвечаете. Я не влияю на ваши судьбы…

– Да ну? – не поверила я. – Знаешь, теперь наша встреча почему-то не кажется мне случайным совпадением или непроизвольным стечением обстоятельств.

– Думай что хочешь. – Слепец откровенно глумился над моим отчаянием. – Ты вовлекла своих друзей в опасную авантюру, а посему именно тебе и предстоит расхлебывать последствия содеянного. Я тут совершенно ни при чем.

– Значит, ты отказываешься мне помочь? – холодно отчеканила я, сверля уничижительным взглядом его безучастное лицо.

– Зачем мне твои проблемы? Решай их сама, – хмыкнул эльф. – Я уже выполнил свою часть уговора и отправился с вами на Ледницу. Если мы сумеем достичь берега, то я сразу же с вами расстанусь. Дальше вы идете сами по себе, я – сам по себе. Полагаю, это справедливо.

– Не думаю, – медленно покачала головой я. – То, что тебе не хотят отдать бескорыстно, можно купить или выкупить.

– Ты хочешь купить у меня помощь? – оторопел эльф. – Но ценой чего? У тебя нет ничего особенного, что имело бы для меня хоть малейшую ценность.

– Думаешь? – Теперь настал мой черед ухмыляться. – А что ты скажешь насчет этого? – И я неспешно извлекла из кармана лоскут полупрозрачного шелка, расшитого золотой нитью. – Узнаешь?

Слепец ошеломленно охнул.

– Узнаю! Это ее вещь, ее запах… – благоговейно выдохнул он. – Отдай! – Его рука дернулась, но я оказалась проворнее и уже успела спрятать лоскут обратно в карман.

– Ну как, поторгуемся? – предложила я.

Эльф тяжело сглотнул и мелко, торопливо закивал.

Я довольно улыбнулась. Ну вот, это уже совсем другой разговор, а то заладил: «Расстанусь, сами по себе». Нет, он меня явно недооценил, я отнюдь не такая белая и пушистая, каковой кажусь на первый взгляд…

Кстати, а ведь за все произошедшее с нами всего лишь минуту назад нужно сказать спасибо Ырке, моей давней подружке, самовольно прописавшейся в склепе мирно упокоившейся жрицы Бригитты – возлюбленной Слепого стрелка. Дело в том, что, когда Ырка передавала мне часть путеводного артефакта – хранимого в часовне, выстроенной на погосте деревушки Ципелинки, тот оказался завернут в носовой платок, который я благоразумно припрятала. Во-первых, у меня рука не поднялась выкинуть столь изящную вещицу, во-вторых, платок все еще благоухал тонким ароматом эльфийских духов; ну и в-третьих, я верю в знаки судьбы. И как только что выяснилось – не зря, ибо вышеупомянутый платок как раз и стал этаким вещим знаком, способным менять настоящее и влиять на будущее. Нет, наш проводник, конечно, не мог его увидеть, но мгновенно унюхал обостренным чутьем слепого и безошибочно опознал. Вон как его сразу же прихлобучило! Судя по всему, эта вещица значила для калеки очень много.

– Ну, надумал? – поторопила я эльфа. – Или мне выбросить эту тряпку за борт?

– Нет-нет-нет, – торопливой скороговоркой зачастил он, умоляюще присюсюкивая. – Пощади платок, ибо он – единственное воспоминание о моей любимой. Когда-то я привез Бригитте лоскут дорого шелка, пропитанного духами из Ширул-эль-шэна, а она вышила его золотыми нитями и собиралась подарить мне, но не успела… Где ты взяла мой платок?

– В часовне, – коротко пояснила я.

На губах несчастного влюбленного заиграла мечтательная улыбка.

– Прошу, верни его мне. Я согласен на любые условия и выполню любую твою просьбу.

– Поможешь нам добраться до Храма Смерти и попасть внутрь него? – напрямую, без обиняков спросила я.

– Помогу! – обреченно согласился Стрелок. – Видно, так мне на роду написано – вторично очутиться под дверями того страшного святилища. Да и Бригитта мне то же самое пророчила. Проблема в одном: чего я лишусь на сей раз – руки, ноги, слуха или жизни?..

– Э-э-э? – озадаченно протянула я. – В смысле?

– В наш прошлый визит на остров мы сумели вплотную подойти к воротам храма, – сообщил эльф. – Исключительно благодаря магии Бригитты, конечно. Если бы не она, то мы бы не избегли расставленных на нашем пути ловушек. Но, увы, Храм Смерти охраняют две бессмертные гидры, уничтожить коих можно лишь с помощью Когтей Хоаса – костяных наконечников для стрел, созданных самими богами. Я выстрелил в гидру, но один из Когтей сломался о ее толстую шкуру. В отместку чудовища убили мою Бригитту и ударом ядовитого щупальца лишили меня зрения. Но королева Смерть милостиво разрешила мне покинуть остров, взяв обещание, что я не стану убегать от уготованной мне миссии. Лишь теперь я начинаю понимать, в чем заключается эта миссия – вернуться на Ледницу вместе с вами. А значит, глупо спорить с судьбой. Я согласен на все! – От голоса несчастного эльфа веяло горькой обреченностью.

Я сочувственно шмыгнула носом и отдала ему платок, который Стрелок немедленно прижал к губам, покрывая поцелуями и неразборчиво бормоча всякие нежные словечки. Я понимающе смотрела на него, размышляя – эка тебя, болезный, любовь-то придавила, не выползешь, не отдышишься. Впрочем, с последним утверждением Стрелка я соглашаться не собиралась, ибо с судьбой нужно и можно спорить, особенно если делать это планомерно, по уму. Авось чего-нибудь да и получится! Хотя следует учитывать и еще одну подлую закономерность: наличие ума никогда не спасает от желания делать глупости. А потому…

– Зачем же вас на Ледницу-то понесло, глупеньких? – бесцеремонно поинтересовалась я.

Слепец поднял на меня залитое слезами лицо.

– Мы искали бессмертия для Бригитты, ведь я способен прожить тысячу лет, а она… – Голос его сорвался, перейдя в рыдания.

– Ага, ну и нашли, типа, – многозначительно обобщила я. – Теперь она вечно жива в твоих воспоминаниях и в легендах… Вот все мы такие – откусываем от жизни куда больший кусок, чем способны прожевать. В итоге им и давимся.

Не знающий промаха ответил мне скептическим вздохом, должным означать – за собой лучше следи, критиканша!

– Как можно преодолеть препятствия, поджидающие путников по дороге к храму? – Я решила возобновить допрос Стрелка, дождавшись, пока он нарыдается всласть и уберет платок. Честное слово, я сделала это не со зла, потому как не хотела прослыть бездушной и черствой, но кого не заботит проблема собственного выживания?

– Импровизируя, – непонятно выдал мой собеседник. – Невозможно предсказать заранее, какими именно они окажутся. Остров представляет собой некое игровое поле, на котором боги отбирают лучших воинов, способных выполнить порученное им задание. Поиски нужных бойцов продолжаются уже очень долго, хотя и безрезультатно, но боги – терпеливы, ибо им некуда спешить. Впрочем, об этом вам сообщат перед началом похода к Храму Смерти, а пока у нас возникла более неотложная проблема…

– Какая? – насторожилась я, выходя из задумчивости.

Если безоговорочно верить в сильно смахивающее на бред кликушество Стрелка, то сам гоблин не разберет, что ожидает нас там, впереди. Стрелок втолковывает мне про беспощадных убийц и ловушки, но, честное слово, трудно представить, чтобы в реальности ситуация сложилась настолько печально и страшно. Истребить кучу народу ради того, чтобы выбрать несколько лучших супервоинов, – по-моему, такие игрища слишком сложны даже для богов. Они ведь, чай, тоже не звери и не людоеды какие-то… Таким образом, почти убедив себя в том, что Стрелок все утрирует и находится в состоянии аффекта, вызванном личной трагедией, я успокоилась и приободрилась. К сожалению, впоследствии я сильно пожалела о собственной доверчивости и недальновидности, ибо испытания, выпавшие на нашу долю, превзошли самые пессимистичные ожидания, наглядно выявив мою наивность в вопросах, касающихся Божьего промысла. Впрочем, тогда мне было не до того…

– Какая? – повторила я, внутренне собравшись и на всякий случай схватившись за рукоять сабли.

– Твой дракон, – пояснил слепец. – Прислушайся к шелесту его крыльев. Он двигается теперь по-другому, не так, как прежде, ибо полностью выдохся и скоро упадет. Смерть готовится открыть счет. – Губы эльфа многозначительно скривились. – И этот счет не в вашу пользу, княжна…

Я стремительно обернулась, вглядываясь в пелену вечерних сумерек, скапливающихся за кормой «Мавиэли». Уже некоторое время Трей летел позади корабля, постепенно все больше и больше от него отставая. Разделяющее нас расстояние неуклонно увеличивалось. Смертельно уставший дракон опустился к самой воде, редко и натужно взмахивая одеревеневшими крыльями. Из его приоткрытой пасти вывалился посиневший и опухший язык, грудь сотрясали тяжелые, судорожные вздохи, глаза предобморочно закатились. Вот он вздрогнул, кашлянул и едва не ушел под воду, зачерпнув ее правым крылом…

Я почти прыгнула на Стрелка, отработанным движением вновь хватая его за отвороты камзола.

– Как его спасти? – зашипела я в лицо слепцу. – Не молчи, подскажи, как можно спасти Трея?

Эльф невозмутимо отстранился от моего дышащего жаром и отчаянием рта и с видом судьи сложил на груди эффектно скрещенные руки.

– Заплати! – торжественно изрек он. – Заплати за его жизнь тем, что у тебя есть, Рогнеда!

«А что такого ценного у меня есть? – стараясь не поддаваться нарастающей в душе панике, пыталась сообразить я, вцепившись в планшир корабля. – Одежда, которая на мне, сабли, защищающий от магии кулон… Да кому они нужны в открытом море!»

И я сбивчиво зашептала, глотая горькие слезы бессилия:

– Слышишь, судьба, боги или кто там еще… Я обещаю, если сейчас вы спасете жизнь дракону и подскажете мне, что делать дальше, то в тот момент, когда вы о чем-то попросите меня, я без колебаний выполню любое ваше приказание, каким бы страшным оно ни было. Идет? – Краем сознания я уловила, что озвучила отнюдь не одну, а целых две просьбы, но ведь произнесенные слова обратно в рот не запихаешь.

Внезапно налетевший порыв ветра взметнул мои волосы, шарфом обвился вокруг плеч, и чей-то едва слышный, насмешливый голос отчетливо хихикнул мне в ухо:

– Идет!

Я изумленно завертела головой, но загадочный голос пропал так же внезапно, как и появился. Похоже, никто, кроме меня, его не слышал и не заметил ничего необычного. Но зуб даю, этот голос мне не почудился, и он, бесспорно, был женским.

– Рогнеда, смотри, вон туда смотри! – вдруг пронзительно закричала Витка, указывая куда-то вперед. – Что это такое?

– Где? – Я приставила козырьком ладонь ко лбу, вглядываясь в даль. – Ничего не вижу…

И тут я увидела!

Море вздыбилось, огромной волной нависнув над бортом бригантины, но потом как-то лениво, словно нехотя отступило, успокаиваясь. Из впадины между бурунов взметнулся высокий фонтан радужных брызг, и над водной гладью появилась крутолобая голова какого-то морского обитателя, с любопытством поглядывающего на нас выпуклыми черными глазами…

– Это кит! – уверенно заявил Тай. – Я видел на картинке в книге. Правда, там говорилось, что киты имеют черную или серую окраску.

Но явившийся нам зверь был белым, без единого темного пятнышка, причем отличался настолько невероятными размерами, что рядом с ним «Мавиэль» выглядела крохотной рыбацкой лодчонкой. Кит выставил из воды мощную спину и медленно поплыл рядом с бригантин-

ной, словно напрашивался к нам в попутчики. И тут меня осенило! Он отнюдь не намерен нас сопровождать, он…

– Садись! – закричала я, обращаясь к Трею. – Садись к нему на спину.

Дракон с радостью послушался моего приказа, устало сложил крылья и почти упал на спину морского чудища. Кит даже не вздрогнул, продолжая размеренно двигаться рядом с кораблем. А предельно вымотанный дракон сунул голову себе под крыло и моментально заснул.

– Уж не знаю, кому и чего ты там наобещала, княжна, – проворчал Слепой стрелок, – но предвижу, что расплачиваться за эту помощь тебе предстоит долго и мучительно. Впрочем, – он одобрительно похлопал меня по плечу, – ты храбрая девушка. Пусть и безрассудная!

– И без тебя знаю! – сердито буркнула я и тут же мысленно спохватилась: а как же моя вторая просьба?.. Или я хочу слишком много?

– Поздоровайся с-с-с… – загадочный женский голос вновь возник из ниоткуда, тонким свистом ввинчиваясь в мой мозг, – первым… первой.

– Извините, не поняла: так первой или с первым? – вежливо переспросила вконец запутанная я, уже не доверяя собственному слуху.

Но ответом мне стала тишина, лишь усилившая мою растерянность и недоумение. Хотелось бы знать, кто же именно выдал мне столь странную подсказку, не расщедрившись на более внятные разъяснения. Оставалось надеяться, что я разговаривала не со своим воспаленным воображением, а с кем-то реальным.

Ночь черным покрывалом окутывала небо и море, делая их неотличимыми друг от друга. Порывы холодного северного ветра свирепо рвали паруса бригантины, терзая хуже лютого зверя. Мы сгрудились на палубе, натянув на себя всю имеющуюся у нас теплую одежду, и терпеливо ждали рассвета, ибо заснуть при такой качке оказалось невозможно. Зорган крепко обнял меня, прижимая к своей груди, и периодически громко клацал зубами, недобрыми словами поминая тьму и холод.

– Сколько дней может продлиться плавание к острову? – спросила я у нашего незрячего проводника, упрямо цепляющегося за совершенно бесполезный сейчас штурвал. – Неделю, десять, больше?

– Все зависит от Промысла богов, – нехотя процедил он сквозь зубы. – Если будет на то их милость, то мы вскоре очутимся на Леднице. А если нет, то никогда на нее не попадем, сгинув в бурном море.

– Мило! – язвительно хмыкнул Зорган, прислушиваясь к нашему разговору. – Никогда еще я не ощущал себя настолько беспомощной игрушкой в руках судьбы, и никогда еще мое ближайшее будущее не казалось мне настолько туманным… А ведь еще совсем недавно мне мнилось, будто моя жизнь стала налаживаться…

– Ну, ты у нас настоящий мудрец – все правильно говоришь, – подала голос сидящая рядом Кайра. – Она налаживалась, налаживалась, пока не стала совсем лажовой!

Слепой стрелок невесело хмыкнул, похоже полностью согласный с мнением стервозной эльфийки.

– Девушка, не болтай попусту о том, в чем ничего не смыслишь, – холодно прокомментировал ее реплику эмпир. – Философия женщин не украшает. Помни, в каждой женщине должно быть такое маленькое, сморщенное, коричневое…

– Мозги? – обиженным тоном предположила Кайра.

– Изюминка! – снисходительным тоном поправил виконт. – А мозги женщину только портят. Да и замуж умных женщин не зовут…

– Не зли меня, в гневе я страшна! – свирепо рыкнула воительница, ибо, упомянув о замужестве, виконт наступил на ее больную мозоль.

– Да ты и так не особо… – не остался в долгу задиристый эмпир.

– Ах так! – Вспыльчивая эльфийка схватилась за рапиру. – Да я…

– Стойте! – Я решительно прервала их перепалку, стремительно перерастающую в свару. – Насчет туманного будущего… Или мне чудится? – Я протянула вперед дрожащую от холода руку. – Ведь это туман?

– Туман! – рассеянно согласился Слепой стрелок. – А в этих краях туман можно встретить только возле берега, там, где теплый воздух с суши сталкивается с холодными морскими ветрами. Ой!.. – неожиданно вскрикнул он, ибо палуба бригантины ощутимо содрогнулась так, словно корабль налетел на нечто твердое. – Кажется, мы напоролись на рифы. Держитесь…

Но его предупреждение запоздало, ибо днище «Мавиэли» противно заскрежетало по чему-то острому и шершавому, а потом корабль начал стремительно заваливаться набок, зачерпнув забортной воды. Бригантину завертело в бурном водовороте, мачта жалобно скрипнула и сложилась пополам – накрывая нас мокрым тяжелым парусом. Барахтаясь в его грубых складках, мы пытались не потеряться в непроглядной темноте, но у нас ничего не получилось. Помню, как пальцы Зоргана вдруг выскользнули из моей ладони, а меня подхватило набежавшей волной и понесло в промозглую, смертельную ночь. Я отчаянно кричала, но мой рот сначала залило горькой водой, а потом забило крупным, колючим песком. Насквозь промокшая одежда тянула меня вниз, ко дну, мешая двигаться. Я бестолково колотила руками по воде, понимая, что тону. А потом меня сильно приложило виском о какой-то камень, и на губах появился сладковатый привкус крови. Глаза закрылись сами собой, и я погрузилась в черное небытие…

Сначала до моего слуха донесся виртуозный гитарный перебор, а потом звонкий мужской голос возвестил с явно различимым удовлетворением:

– Ну вот, кажется, доплыли!

– Драконы не умеют плавать, – тут же с хрипотцой поправили его. – Не путай меня с морскими змеями, те еще тварюги.

– А я и не путаю, – усмехнулся звонкий мужской голос и с вызовом пропел:

Подивись, честной народ,
Дракон в море не потоп.
По воде плыл лодкою —
Крупною селедкою…

– И вовсе не селедкой, – обиженно поправил похрипывающий собеседник. – Ты же сам говорил, что это кит.

– А какая разница? – еще веселее поддел звонкий. – Рыба, она и есть рыба.

– Да, поесть я бы сейчас не отказался. – В разговор встрял третий участник. – Так голоден, что согласен на любое блюдо, хоть из рыбы, хоть из крысы…

– Мамочки, а где же наша Грымза?! – испуганно взвизгнул следующий участник беседы, тоненько, по-девчачьи. – Надеюсь, она не утонула?

– Не-а. На, держи свою любимицу! – Раздался шелест одежды, словно кто-то что-то вытаскивал из-за пазухи, и громкие звуки поцелуев.

Меня Витка не целует,
Говорит – волнуется.
Я иду – она на крыше
С крысой тренируется! —

ухарски, но немного нескладно выдал речитативом тот, кто жаловался на голод, и заслужил громкий смех нескольких человек.

– Ну и пусть! – фыркнула Витка. – Зато ты, Зорган, петь совсем не умеешь!

– И чего мне с вокалом делать прикажешь? – расстроился виконт. – Я вроде пел с искренним чувством, но птиц с деревьев все равно посшибало…

– Завидую, если тебя только вокал сейчас волнует, – занудно протянул новый собеседник, в коем я сразу же узнала Слепого стрелка с его бесконечным пессимизмом. – Но обещаю, через пару дней тебе точно станет не до песенок…

– Это еще почему? – с вызовом заявил Зорган. – Вот проснется Рогнеда, и все у нас наладится…

– И когда она проснется? – ехидно вопросил слепой эльф. – Да и проснется ли вообще?

– Не сомневайся. Рогнеда, просыпайся! Эй, княжна, хватит дрыхнуть!

Меня дружно затормошили в несколько рук, и мне волей-неволей пришлось открыть глаза, возвращаясь в этот бренный мир…

Я сидела на песке и не без удивления рассматривала раскинувшийся передо мной берег. Невзирая на все заверения Слепого стрелка, клявшегося и божившегося, что мы попали именно на Ледницу, я упорно отказывалась поверить в очевидность оного факта. По моему мнению, Ледница получила свое название по причине толстого слоя снега и льда, покрывающего большую часть ее территории. Да и находится сам остров посреди Холодного моря, а тут… Я недоуменно похлопала ресницами… Тут – желтый песок, выше него – полоса намытой морем гальки, а еще дальше – сочная изумрудная трава и развесистые деревья, дающие щедрую тень. Благодать. Прямо земля обетованная, а не обещанный полигон для отбора супервоинов. Птички щебечут, мухи летают, ящерки под лопухами отсиживаются. А солнце стоит в самом зените и жарит немилосердно…

– Хватит еще на нашу долю и снега, и дождя с градом! – уверенно сообщил Не знающий промаха стрелок, покусывая сочную травинку. – Ледница – остров необычный и законам природы неподвластен. Какую погоду захотят установить боги, дабы усугубить наши испытания, такой она и будет. И нечего над тем зазря головы ломать.

– Как бы нам с голодухи раньше не передохнуть, еще до начала испытаний, – предположил Зорган, и подтверждением справедливости его слов стало громкое урчание, отчетливо донесшееся из драконьего живота. Сам эмпир попробовал заарканить пробегавшего невдалеке зайца с помощью какого-то шнурка, но промахнулся. По меткому определению дракона, на острове стало одним «косым» больше.

– А может, нам Лиззи наколдует каких-нибудь съестных припасов? – неуверенно предложил обычно скромный и молчаливый Вольдемар.

– Увы, – наша магичка сокрушенно развела руками, – борьба с морской стихией исчерпала все мои силы, и запас энергии пока еще не восстановился. К тому же этот остров весьма странно влияет на мои возможности… – И без того задумчивое личико девушки приобрело такое выражение, словно она усиленно прислушивалась к себе. – Кажется, они изрядно уменьшились.

– А чего вы хотели? – многозначительно хмыкнул наш проводник. – Остров выравнивает шансы на успех, усредняя возможности всех попавших на него соискателей. Здесь все равны. Хочешь доказать свою особенность – доказывай ее честно, ибо боги не любят тех, кто мухлюет.

– Надеюсь, моя сила осталась при мне! – пробурчала Кайра, опуская руку на рукоять рапиры.

– Боги уважают боевые навыки, – кивнул слепец, – ценят ум, находчивость и благородство. А колдовать они и сами умеют.

– Ясно! – печально сгорбилась Лиззи. – Значит, придется разживаться едой как-то иначе. Да, Рогнеда?

После этих слов все участники нашего похода выжидательно повернули лица в мою сторону, словно признавая мое безусловное лидерство. Выходит, решающее слово опять остается за мной. Я тяжело вздохнула и еще раз оглядела пустынный берег. На мелководье виднелись обломки разбившейся о скалы бригантины, но больше здесь не было ничего интересного. Получается, хочешь не хочешь, а придется покинуть побережье и продвигаться в глубь острова, надеясь отыскать пищу и пресную воду. Иного нам не дано.

– Идем вперед! – объявила я, поднимаясь с песка. – Удача под ногами не валяется, зато часто встречается по дороге!

Приютившие нас кусты росли на самом солнцепеке, но, видимо, комары на Леднице тоже были какими-то особенными, потому как совершенно не боялись полуденной жары и ели нас поедом, даже не испросив на то нашего согласия. Ели со здоровым аппетитом, разве что не чавкали. Как говорится, одним все и сразу, а другим – ничего и регулярно. Обидно, ведь мне совсем недавно рассказывали про здешнюю справедливость и всеобщее равенство…

– Ничего себе, – шокированно бормотала я, выглядывая из куста сирени. – И вся эта куча народу прибыла на Ледницу, желая испытать судьбу?

– А ты думала, мы сюда одни приплыли? – насмешливо спросил Не знающий промаха стрелок, жарко дыша у меня над плечом и вопреки своей слепоте ловко прихлопывая очередного крылатого кровопийцу. – Конечно, они здесь не на отдых собрались. Вот увидишь, скоро все соискатели милости богов разделятся на группы и отправятся пешком через остров, пытаясь отыскать Храм Смерти. Но победа достанется лишь одной команде. Все же прочие – погибнут.

– Всегда знал, что боги любят идиотов, – ехидно прошептал Зорган мне на ухо. – А иначе зачем бы они их столько создали?

– Это ты нас идиотами называешь? Сурово! – вздохнула я, рассматривая огромную поляну, сплошь заставленную шатрами и палатками всевозможных цветов и размеров. Дымились многочисленные костры, аппетитно булькали развешанные над ними котелки, сушилось растянутое между палками белье, и отовсюду доносился гомон сотен голосов – варьируясь от склочных перебранок до веселых песен.

В общем, представший перед нами лагерь поражал воображение, ввергая в смущение и опасения. Очевидно, предстоящая конкуренция в борьбе за победу обещала принять нешуточный оборот, особенно если брать в расчет все грядущие опасности, предсказанные слепым эльфом. И поэтому больше всего на свете мне захотелось сейчас очутиться дома, забраться на печку и сладко уснуть, прислушиваясь к привычной с детства воркотне няньки Матрены. Кто знает, может, зря я отказалась от брака с престарелым эльфийским повелителем? Жила бы сейчас в довольстве и сытости, хлопот бы не знала…

– Рогнеда! – Требовательный окрик Зоргана вырвал меня из мечтательного состояния. – Хватит уже в кустах сидеть, пока нас тут комары заживо не сожрали. Смотри, кого только в этом лагере нет – эльфы, тролли, орки, люди. Значит, и мы в их компанию впишемся. Предлагаю присоединиться к тому дружному коллективу и разжиться жратвой…

– Драконов там нет! – вынес вердикт Трей, не помещавшийся среди кустов, а потому плашмя распластавшийся в соседней ложбинке. – И как они меня примут, если я – самый большой?

– Зато мы – самые красивые! – самодовольно пискнула Витка, прячущаяся за спиной принца Тайлериана.

– И самые умные! – саркастично хмыкнул Зорган, постоянно потешающийся над недалекой умом красавицей.

– И самые добрые! – с намеком поддержала игру я, многозначительно дергая виконта за ухо. Вечно он всех на перебранки провоцирует. Ну что за несносный мужчина!

– Кого найдем добрее – убьем! – кровожадно заявил Михась, ударяя по своей ржавой кирасе.

– И съедим! – брякнул, бурча животом Трей, доведенный почти до обморока разливающимися над лагерем ароматами съестного.

Все так и покатились с хохоту.

– Кого предпочитаешь: эльфа или тролля? – выспрашивал у дракона Зорган, потрясая пучком свежесорванного щавеля. – Под соусом!

И тут началось…

– Гуляш из орочьего мяса с сыром! – предложила Кайра.

– Пирог с лесными грибами и лесными эльфами! – хихикала Витка, ущипнув любимого за бок.

– Тушеные человеческие почки с овощами! – вернул подачу Тай.

– Маринованный рыцарь в собственных доспехах! – предложила Лиззи, лукаво косясь на упакованного в железо Михася.

– Садисты! – предобморочно просипел дракон, давясь слюной. – Смерти моей хотите? – Он начал обиженно отползать назад и неосторожно поднялся над ложбинкой…

– Дракон! – незамедлительно и многоголосо донеслось со стороны лагеря. – Спасайся кто может, здесь – дракон!

– Ну вот, поздравляю, – укоризненно прошипела я, обращаясь к своей враз притихшей команде. – Вписались, называется, в коллектив!..

Прятаться дальше не имело никакого смысла, поэтому мы со вздохами облегчения покинули кусты, по причине комариного жора едва не ставшие нашей братской могилой, и медленно двинулись в сторону лагеря соискателей милости богов. Медленно, дабы не создавать излишнюю панику, а успеть и себя показать, и на других посмотреть. Ведь посмотреть там действительно было на что…

В центре хорошо утоптанной поляны сгрудилось сотни три паломников, плотно сбившихся в единую кучу и ощетинившихся всеми видами оружия, начиная от дротиков и заканчивая увесистыми двуручными мечами. Особенно сильное впечатление произвел на меня долговязый эльф с рубиновой серьгой в правом ухе – вооруженный здоровенным вертелом с нанизанными на него перепелками, и чернявая девица, скорее всего полукровка, весьма скудно одетая, но воинственно размахивающая скрученными в жгут шелковыми панталонами. Подходящим фоном для противостоящего нам воинства служили поваленные в спешке шатры и перевернутые котелки с разлившимся вокруг них варевом.

– Эх, столько провианта зря погубили! – разочарованно проворчал Зорган, пиная измазанный кашей котелок.

Посудина ответила печальным гулом.

– Отдай, а то порежешься еще! – Дракон ловко выдернул вертел из рук эльфа с серьгой, элегантно сдернул с него перепелок и проглотил не жуя. – Оружие детям не игрушка!

– Мародер! – возмущенно завопил долговязый, лишившись своего обеда. – Отдай перепелок обратно!

– Могу и отдать, если вежливо попросишь! – Трей выразительно дернул кадыком. – Только вряд ли ты их после этого есть станешь…

Со стороны кучки паломников раздалось одобрительное фырканье. Похоже, юмор нашего дракона оценили по достоинству. Но долговязый эльф лишь обиженно нахмурился, вознамерившись не сдавать позиции местного главнокомандующего.

– Кто вы вообще такие? – начальственно вопросил он, оценивающе рассматривая нашу разношерстную команду. – Откуда взялись и чего хотите?

– Того же самого, чего и все вы, – открыто сообщила я. – Добраться до Храма Смерти и испытать судьбу.

– Вы? – глумливо расхохотался эльф. – Нищие оборванцы, да вы давно на себя в зеркало смотрели?

Сначала я честно хотела ответить, что уже и не помню, когда в последний раз смотрелась в зеркало (благо не любила это бессмысленное занятие и в лучшие свои дни), но потом решила промолчать, дабы не давать ему новый повод для насмешек. Время покажет, какого приза достоин каждый из нас. А пока лучше схитрить и притвориться дурочкой, ибо какой с дурочки спрос. Пусть лучше они меня недооценивают, чем увидят во мне опасного соперника и попытаются устранить еще на полдороге к храму. Целее буду, ведь главная сила дурака заключается в том, что умный перед ним бессилен.

Между тем события на поляне развивались лавинообразно, причем явно не в нашу пользу. Впрочем, позднее выяснилось, что жалеть об этом не стоило, ибо именно тот первый конфликт и стал залогом наших будущих побед. Как говорится, решительный шаг вперед – результат хорошего пинка сзади!

Пока я пыталась не нарваться на разборку с мордобоем, мои друзья банально пошли на поводу у эмоций, голода и своего плохого настроения. Кайра хитро покосилась на некоего скудно одетого и не менее скудно вооруженного юношу и заявила:

– С детства знаю, что стрелами – стреляют, мечи – мечут, а вот дротики… Чего с ними делают?

Возмущенный ее фривольным намеком, молодой воин побагровел и заорал во все горло:

– Гоните отсюда этих нахалов! Они же над нами издеваются!

– Ага, – немедленно поддержала его девица с панталонами, – я тоже так считаю. Этот, – она указала на Михася в ржавых доспехах, – похож на разбойника. Та, – ее грязный палец почти уткнулся в грудь Лиззи, – на ведьму с крысой. Другая девка просто неприлично красива. – Оный завистливый эпитет адресовался Витке. – И вдобавок никогда не видела горбатых эльфов с гитарами…

– Стоп! – Тощий лидер с серьгой наморщил лоб, напрягая память. – Я вспомнил! До меня доходили слухи об одном эльфийском принце, отравившем своего отца и сбежавшем из дворца…

– Никого я не травил! – праведно вознегодовал Тай. – А рифмы у тебя – корявые!

– Нам только поэта тут не хватало… – словно от зубной боли скривился долговязый.

– А еще дракон, а еще эмпир, а еще атаманша с саблями! – перечислил обсмеянный Кайрой дротист. – Не-а, таких нам тута не надо. Выгоним их, как того…

– Кого – того? – заинтересованно перебила я.

– Не важно, тебя это не касается, – высокомерно отмахнулся долговязый эльф. – Слушайте, побирушки, мы не хотим иметь с вами никаких общих дел. От вас так и веет неприятностями, проблемами и тайнами. А проблем нам и своих хватает. Поэтому идите-ка своей дорогой, пока мы добрые и отпускаем вас подобру-поздорову.

– Наверное, нам следует сказать вам за это спасибо! – съязвила я.

Долговязый ответил мне неприязненным взглядом.

– Хватит и обычного «до свидания», – поправил меня он.

– Не льсти себе, я счастливо проживу и без нового свидания с тобой! – парировала я.

Эльф нахмурился, на его нижней челюсти заиграли желваки.

– Учти, оборванка, при следующей встрече я тебе язык отрежу и скормлю вашему дракону, – пригрозил он. – А еще лучше – глаза твои бесстыжие выколю.

– Полегче на поворотах, мальчик, – осадил его Зорган. – Не стоит играть с женщинами. Ты ведь не знаешь, а вдруг они играют лучше тебя… – И в его взгляде проскользнуло нечто такое, что заставило нахального дылду стушеваться и отступить назад.

– Уходите, – буркнул он уже тише, отводя глаза. – В нашем лагере для вас нет места.

– Ладно, уговорили, уйдем, – согласилась я, понимая: насильно мил не будешь. Зачем нарываться на драку? Иногда правильнее отступить, чем переть напролом. – Надеюсь, больше не увидимся. – Я развернулась и сделала несколько шагов, намереваясь покинуть негостеприимную поляну.

– Когда я увижу тебя в следующий раз, ты будешь тихой, спокойной и мертвой! – дерзко выкрикнула девица мне в спину.

– Не желай другому плохого, ибо твое пожелание может вернуться к тебе сторицей. – Я обернулась и одарила ее ослепительной улыбкой. – Уходим! – Я взмахом руки призвала своих друзей следовать за мной. – Поищем еду и приют в другом месте. А всей здешней команде, уставшей от моего скверного характера, желаю передохнуть. Ударение сами поставите…

На этой бравурной ноте мы покинули лагерь паломников, буквально онемевших от подобной наглости. Ушли в никуда, оставшись одни в этом ненормальном, противоречивом мире. К добру или к беде приведет наш поступок – время покажет, но пока, невзирая на голод и усталость, мы почему-то чувствовали себя победителями!

Глава 3

Вечерело. Сумерки опустились на землю как-то слишком резко и внезапно, что лично я посчитала очередным фокусом острова богов, то ли испытывающего нас на прочность, то ли в открытую над нами издевающегося. Покинув поляну паломников, мы углубились в густой лес, с трудом продираясь сквозь чащобу, отводя от лица колючие еловые лапы и подворачивая ноги на заросших мхом кочках. Ладно хоть комары здесь не водились. Интересно, почему?

– Только такие дураки, как мы, способны залезть в подобную глухомань? – надоедливо ворчал Зорган, прозорливо предвосхитив мой не высказанный вслух вопрос. – А комары, в отличие от нас, отнюдь не…

– Хватит упражняться в остроумии! – сердито перебила я. – Вон неплохая прогалинка между деревьями, остановимся там.

– Грибы пособираем, ягоды! – немедленно возликовала Витка.

– Дурочка! – почти ласково рассмеялся виконт. – Тут только бледные поганки и растут, твои сестры по разуму…

– Наломайте сушняка и разожгите костер, – не обращая внимания на его ехидные комментарии, скомандовала я. – Перекантуемся здесь до утра, а то впотьмах недолго и в болото забрести. Короче, устраивайтесь на ночлег, а я пойду дальше – поищу что-нибудь съедобное.

– Одна пойдешь? – тут же напрягся бдительный виконт.

– Одна! – ультимативно кивнула я. – От Вольдемара и Тая больше шума, чем пользы. Витка и Лиззи с ног от усталости валятся. Кайра хоть и храбрится, но… – Я с сомнением оглядела осунувшееся лицо подруги, украшенное красными волдырями расчесанных комариных укусов. – Тоже только на энтузиазме держится. Слепой все возможные шишки уже собрал, того и гляди, убьется о какую-нибудь корягу. О драконе вообще говорить нечего, он и так уже поллеса переполошил. Придется тебе с Михасем их охранять. А я к нашим красногорским топям привычная, поэтому пойду одна… – И, не дожидаясь дальнейших возражений любимого, я беззвучно скользнула за разлапистую елку, растворившись в ночной темноте…

Пройдя несколько десятков шагов, я обернулась и с удовлетворением различила отблески костра, виднеющиеся среди деревьев. Похоже, мои указания выполнили. Ума не приложу, куда мне теперь идти и что искать, но без пищи мы долго не протянем. А поскольку никакие интересные идеи в мою голову не приходят, то придется положиться на привычное невезение, уже не раз по-своему меня выручавшее, и на закоренелое упрямство. Нет, я, конечно, понимаю, что упрямство – это то же упорство, хотя и с налетом глупости, но в нынешних условиях сойдет и оно… Так, вполголоса разговаривая сама с собой, я все шагала и шагала вперед, пока неожиданно не вышла из чащи, очутившись на лесной опушке. Немного поморгала, привыкая к рассеянному лунному свету, серебристо подсвечивающему аккуратные рядки можжевеловой поросли, которые отделяли ельник от широкого луга, сплошь покрытого желтыми лютиками. А посередине этой романтической желтизны возвышался единственный дуб – необхватный, эффектно подпирающий макушкой черное ночное небо, усеянное алмазной россыпью звезд. Я задрала голову, любуясь представшей передо мной красотой, от которой захватывало дух. Внезапно я заметила нечто странное, призывно белеющее на фоне дубовой коры, и невольно ускорила шаг, пытаясь усмирить предвкушающе заколотившееся сердце.

Почти пробежав половину луга, я вступила под сень раскидистой кроны векового гиганта и оторопела, наконец рассмотрев то, что приманило меня сюда. Под дубом, спиной привалившись к его мощным, коряво выпирающим из земли корням, сидела маленькая девочка, облаченная в мешковатую рубашку из беленого полотна. Худое личико малышки пугало неестественной бледностью, черные ресницы полукружьями лежали на впалых щеках, а под рубашкой четко прорисовывались тощие коленки и ключицы. Скрещенными на груди руками

девочка собственнически прижимала к себе сплетенную из соломы куклу, жутко разрисованную углем. Кукла смотрела на меня криво расположенным единственным глазом и плотоядно щерила сикось-накось перекошенный рот с острыми зубами из сосновых щепочек. В глазу соломенной уродки читался нездоровый и явно гастрономический интерес к моей изрядно зачуханной персоне. По спине сбежала холодная струйка пота, меня передернуло от ужаса – настолько живой казалась эта безобразная кукла и настолько неживой – ее хозяйка.

«Мертва!» – с сочувствием решила я, вглядываясь в бледное до синевы лицо девчушки, ее закрытые глаза, тонкие пересохшие губы и неестественно спокойную позу сломанной, выкинутой на помойку игрушки. Внезапно девочка распахнула ресницы и уставилась на меня огромными черными глазищами без зрачков…

– Гоблины треклятые! – шокированно выдохнула я, отшатываясь назад, запинаясь за камушек и плашмя валясь в лютики. – Так ты живая!..

Девочка неловко поднялась на ноги, поражая меня противоестественной неуклюжестью движений и общей разболтанностью всего тела. Малышка прихрамывая подковыляла ко мне, наклонилась и долго рассматривала мое лицо своими неподвижными глазами. Я с трудом вернула на место свою чуть не отпавшую нижнюю челюсть и робко взирала на оскаленные зубы куклы, выглядевшие подозрительно натуральными. Меня не отпускало странное ощущение, будто ужасная кукла все видит и понимает, только и поджидая подходящего момента, чтобы вцепиться мне в горло…

– Тетя, – вдруг хрипло прошептала девочка, прерывая затянувшуюся паузу, – отведи меня домой, я заблудилась! – И ее костлявая, холодная как лед ладошка настырно уцепилась за рукав моей куртки…

Дальше я шла очень медленно, потому что по непонятной мне причине девочка абсолютно не умела передвигаться нормально, как все обычные люди. Вместо этого она ковыляла, шаталась – невероятно выворачивая суставы в совершенно не предназначенные для того стороны, и умудрялась одновременно хромать на обе ноги. Сначала я хотела взять калечную малышку на руки, но меня остановил жуткий холод, исходящий от ее тщедушного тельца и внушивший мне какой-то мистический трепет. При этом девочка производила впечатление вполне адекватной личности – охотно поддерживала беседу и бойко вертела головой, обозревая окрестности.

– А далеко ли отсюда находится твой дом? – заинтересованно выспрашивала я, ибо внешний облик малышки выдавал в ней обычную деревенскую жительницу, а значит, она вполне способна привести меня туда, где можно разжиться молоком и хлебом. В кармане моей куртки побрякивало несколько серебряных монет, достаточная сумма для покупки провианта.

– Недалеко, – обрадовала меня девчушка, – кажется, вон за тем пригорком… – Похожий на косточку пальчик указал нужное направление. – Вроде бы там…

– А как тебя зовут? – не прекращала расспросы я, немного сбитая с толку ее неуверенностью.

Малышка ненадолго задумалась.

– Не помню, – спокойно выдала она. – А зачем мне имя?

– Ну как… – оторопела я. – Чтобы откликаться на чей-нибудь зов, например…

– Зов я и так услышу, – без малейших эмоций в голосе сообщила девчушка. – Как только подойду близко к дому.

– Зов мамы и папы? – уточнила я, безмерно заинтригованная нашей странной беседой.

– Сестер и братьев, – отрицательно мотнула головой малышка. – Дома мы все сестры и братья, поэтому имена нам не нужны. – Она довольно хмыкнула, словно вспомнила нечто крайне важное, ввергая меня в еще большее недоумение.

Проанализировав ее реплики, я тут же решила, что эта девочка наверняка проживает в каком-то приюте, и прониклась к несчастной сиротке еще большим состраданием.

– Имена нужны лишь привязанным к тебе охранителям, – между тем продолжала рассказывать девочка, ничуть не смущенная моим молчанием. – Таким, как она! – И девочка выразительно тряхнула своей страшной куклой.

– Она – охранитель? – не поверила я, вздрагивая от отвращения, ибо кукла, даже находясь в руках хозяйки, продолжала неотрывно таращиться на меня. – И от чего же она тебя охраняет?

– От всех! – категорично фыркнула малышка. – У каждого, находящегося вне дома, должен быть охранитель. Такой, как моя Злючка! А ты такая большая и не понимаешь таких простых вещей… – Черные глаза девочки взглянули на меня с жалостью, словно на ущербную. – А-а-а… – вдруг дошло до малышки, – у тебя нет своего охранителя. Почему? Ты его потеряла?..

– Хм… – стушевалась я, не находя нужных для ответа слов. – Кажется, у меня его никогда и не было!

– Плохо! – вынесла вердикт малышка, дергая меня за рукав. – Тогда тебя могут обидеть…

«Кто?» – хотела спросить я, но промолчала, ощущая себя запутавшейся полностью и окончательно.

Увлеченные беседой, мы преодолели пригорок, оставили позади редкий березовый перелесок, а затем внезапно очутились в какой-то тихой лощинке, перед частично сломанной железной оградой, сплетенной из ржавых, перекошенных прутьев. Девочка насторожилась, словно услышала нечто недоступное моему уху, а затем облегченно расслабилась и улыбнулась.

– Пришли! – важно изрекла она. – Вот я и дома!

– Как, ты живешь здесь? – недоверчиво рассмеялась я, оглядываясь по сторонам. Везде, куда ни кинь взор, виднелись искореженные надгробные памятники, просевшие могильные холмики, обломки разбитых статуй, обрамленные синими болотными огоньками. – Так ведь это же кладбище! – почти истерично выкрикнула я.

– Это мой дом! – Девочка уверенно пробиралась по тропке между могилами, таща меня за собой, пока не остановилась возле одной из них. – Спасибо, тетя! – Она отцепилась от моего рукава и шагнула прямо на покрытый дерном холмик. – Давай-ка я подарю тебе свою Злючку, пусть охраняет тебя, пока ты тоже не попадешь домой!

Омерзительная кукла как-то незаметно перекочевала в мои руки, где и угнездилась, для надежности ухватившись зубами за пуговицу куртки. Я попыталась отбросить соломенное чудище, но у меня ничего не вышло.

– И имечко-то у нее подходящее! – плевалась я, борясь с прилипчивой куклой. – А зачем оно ей вообще?

– Ну как? – удивилась стоящая на могиле девочка. – Демоны без имен не могут. Прощай, тетя!

Ее тощее тельце внезапно начало светиться, становясь прозрачным, а затем превратилось в полоску тумана и эффектно втянулось в могильный дерн. А Злючка ужом поползла по моей куртке, пока не добралась до груди, где ловко юркнула за пазуху, да там и затаилась, больше ничем о себе не напоминая.

– Вот тебе и на, – ошеломленно бубнила я, осторожно лавируя между плотно натыканных могил, выкопанных впритирку друг к другу, – оказывается, я повстречалась с призраком. – Тут я больно ударилась ногой об элемент ограды и чуть не упала. – Интересно, кто и зачем вообще придумал огораживать кладбища? Вроде могильник – это то самое место, куда никто не приходит по своей воле и откуда никто не выходит?..

Мои рассуждения прервал вид плывущего в воздухе огонька, возникшего словно бы ниоткуда, но явно движущегося в моем направлении…

– Хм… ошибочка вышла, – усмехнулась я, наблюдая за очертаниями некой приземистой фигуры, медленно проявляющейся из темноты вслед за огоньком, – была не права, прошу

прощения. Похоже, с этого кладбища все уйти норовят… – Я подняла лопату, неизвестно что делающую на соседней могиле. – Непорядок, пора исправлять…

В этот самый момент огонек приблизился ко мне, оказавшись масляной лампой, несомой каким-то низкорослым, плотным стариком, уверенно шествующим среди надгробий.

«Упырь, вурдалак? Добычу ищет?» – еще успела растерянно подумать я, замахиваясь лопатой, а потом с возмущенным воплем:

– Внутри ограды так и быть – броди, а наружу соваться не смей! – резко опустила ее вниз, угодив точно по макушке надвигающегося на меня старика…

Только теперь я осознала истинный смысл совета, данного мне загадочным голосом. Здороваться с людьми нужно, а не по голове их лупасить! С людьми, потому что едва не пришибленный мною старик оказался именно человеком, а не упырем или вурдалаком. Я подобрала валяющуюся на земле лампу, к счастью не погасшую и не разбившуюся, и внимательно всмотрелась в жертву моей немотивированной агрессии, распростертую на кладбищенском дерне. Обычный сельский житель лет семидесяти на вид, с самой заурядной внешностью – лысоватый, обрюзгший, одетый в вышитую крестиком рубаху, полотняные порты и лапти. Никаких тебе клыков, рогов и когтей… Ох, похоже, взяла я грех на душу – убила ни в чем не повинного деревенского деда…

Но распластавшийся на земле старик вдруг тоненько икнул и раскрыл узкие глазки, окаймленные белесыми ресницами.

– Здрас-сте! – смущенно брякнула я, подавая деду руку и помогая ему сесть.

– И тебе подобру-поздорову, дочка! – Старик озадаченно ощупал здоровенную шишку, вздувшуюся на его лысине, и горестно вздохнул: – А не видела ли ты, дочка, чего это такое тяжеленное мне на голову упало?

– Видела! – смущенно кашлянула я. – Лопата…

– Вот ведь чудо чудное! – пораженно ахнул старик. – А с какой радости ей вдруг летать вздумалось? Я ведь ее давеча возле могилки вдовы Авдотьи оставил, кою поправить хотел. Так вот иду я себе и иду, о работе своей скорбной думаю, а тут бац – лопата…

– Ага, бац! – виновато подтвердила я, размышляя, стоит ли уточнять, что в роли этого самого «бац» выступила именно я. И тут меня осенило. – Так вы же кладбищенский смотритель! – обрадованно выпалила я.

– А кем же мне еще быть, дочка? – простодушно удивился старик. – Твоя правда – я здешний смотритель, а заодно и сторож, и гробовщик…

– Значит, все-таки не упырь? – на всякий случай переспросила я, мучимая жесточайшим раскаянием.

– Боги с тобой, дочка! – нервно вздрогнул и поспешно отмахнулся сторож. – Хотя немудрено и ошибиться. Ночью по моему кладбищу кто только не шастает. Вот, уже и лопаты летать начали… – Он снова потрогал здоровенную шишку и вздохнул. – Никакая сила их, супостатов проклятущих, не берет…

– Что, и мертвые из могил поднимаются? – скорее уточнила, чем предположила я.

– Не без того. Озорничают, неслухи, – смущенно вздохнул сторож. – Бардак сплошной в моем хозяйстве творится, дочка. Иногда штук по десять мертвяков за ночь по кладбищу гоняю и стыжу за поведение непотребное. Да только куда мне за всем поспеть, стар я стал, и рук у меня всего две…

– А вы связывайте своих резвых мертвецов и по пояс в землю закапывайте! – в шутку предложила я, но старик отнесся к моему предложению более чем серьезно.

– Дело говоришь, дочка! – согласно кивнул он. – Связанные-то они никуда не денутся.

– Пусть они еще за руки держатся, а вы их краской серой сверху покрасьте, сойдут за ограду! – Меня несло, и я сама почти не понимала, чего брякнула. Тут же прикусила свой болтливый язык, но было уже поздно.

– Экая ты, дочка, боевая! – крякнул старик, с моей помощью выбираясь на тропку между могилами и уводя меня в глубь кладбища. – Погляжу, ничего не боишься? – В голосе сторожа послышались лукавые нотки.

– А чего тут бояться? – совсем расхрабрилась я, довольная тем, что разговор ушел в сторону от треклятой лопаты. – Бояться нужно живых, а не мертвых…

– И то правда! – одобрительно кряхтел старик, не выпуская моих пальцев из своей заскорузлой ладони. – Пойдем, я тебя чайком напою…

Через несколько минут мы очутились в самом центре кладбища, возле небольшой сторожки, в окнах которой горел свет. Сторож распахнул скрипучую дверь и втолкнул меня внутрь хибары, даже не испросив на то моего согласия. Я перешагнула через порог и очутилась в комнатке, скудно освещенной парой сальных свечей, установленных на грубом деревянном столе. Подле стола стояли две лавки, на одной из них кто-то сидел…

«Орк! – сразу же решила я, рассматривая худощавого парня, испуганно косящегося на меня поверх здоровенной кружки. – Смуглый, волосы как вороново крыло, собраны в длинный хвост и открывают острые уши. Глаза черные, нос – с горбинкой, на шее ритуальные татуировки. Как пить дать, орк, хоть и симпатичный».

– Привет! – Я непринужденно уселась напротив парня и с благодарностью приняла чашку с чаем, поданную мне стариком. – А ты откуда здесь взялся?

– Без дела валялся, – шутливо пояснил дед, пихая парня кулаком в бок. – А я нашел да к себе привел. Чего молчишь, сынок? Говори. Поди, она тебя не укусит…

– А зачем ей обо мне знать? – Парень неприязненно зыркнул на меня, прячась за свою кружку. Мне он показался каким-то чересчур робким, даже забитым, что предельно не вязалось со всем тем, что я слышала о его воинственном народе. – Тоже неудачником невезучим дразнить станешь? – Он пробовал говорить спокойно, но голос – взбудораженный, ненормально высокий, почти на изломе – выдал его с головой.

– Я? – От негодования я аж подпрыгнула на скамейке, до глубины души возмущенная его нелепым предположением. – Нет, не буду… Сама такая!

– Да ну? – не поверил орк, но радостно заулыбался и за кружкой укрываться перестал. – А не врешь?

– Не вру! – печально вздохнула я. – Сам скоро все поймешь!

– А звать-то тебя как? – совсем расхрабрился парень, придвигая ко мне мисочку яблочного варенья. – Ты тоже собралась судьбу пытать и искать дорогу к Храму Смерти?

– А то! – невнятно зачавкала сильно оголодавшая я, едва удерживаясь от того, чтобы не заглотать все угощение целиком. – Так се кык и псе мофи друфья!

– Чего? – не понял парень.

– Говорю, не одна я тут, с друзьями! – пояснила я, с наслаждением вылизывая вмиг опустевшую мисочку.

– Ой, – испугался парень и снова спрятался за кружкой, – так вы из лагеря паломников?

– Нас оттуда выгнали, – успокоила его я и все поняла. – Так же как и тебя, похоже…

– Точно, – печально кивнул парень. – Меня Бальдуром зовут. И я из местного племени. А невеста моя Бина сказала, что я неудачник, и отправила меня счастье искать. Избалованная она, то ей синюю птицу удачи подай, то звезду с неба достань… А теперь и вовсе велела не возвращаться, пока храм не найду… – совсем поскучнел Бальдур.

– А синюю птицу, значит, уже приносил? – удивился старик-сторож.

– Пришлось воробья чернилами покрасить, – смущенно признался парень. – Только он Бине на рубашку нагадил, клюнул ее в руку и улетел…

– Вот дура! – от души приложила я. – Кто же счастье у смерти ищет?

– Не знаю. – Парень втянул голову в плечи. – Бина она знаешь какая… Вот такая. – Он широко развел руки, показывая нечто совершенно необъятное. – С ней не поспоришь!

– Да я тоже вроде не худышка, – усмехнулась я.

– И вовсе ты не толстая! – тут же галантно запротестовал Бальдур. – Просто у тебя кость широкая и… жирная! – попробовал неловко польстить он, понял, что сморозил глупость, расстроился и чуть не заплакал.

Я громко расхохоталась, очарованная его непосредственностью и забавными манерами. Похоже, он прекрасно впишется в мою команду, ибо даже наперекор его бестолковости сразу видно – Бальдур неплохой парень, такой же невезучий, как и мы.

– Присоединяйся к нам, – радушно предложила я, и слезы на глазах Бальдура сразу же высохли. – Авось командой-то сподручнее будет судьбу захомутать… Эй, хозяин, – я перевела взгляд на сторожа, невозмутимо сидевшего на другом конце лавки и шумно прихлебывающего чай, – ты недавно на немочь жаловался и неподъемную работу. А если я с друзьями наймусь к тебе в помощники по кладбищу? За прокорм и постой, на те дни, что остаются до начала испытаний?

– Ай и спасибо же тебе, дочка! – обрадованно зачастил сторож. – Да токмо я не зверь какой, заставлять вас за хлеб работать. Коли вы за неделю мне все кладбище в порядок приведете, я тебе такую вещицу знатную подарю, какой ни у одного эльфийского короля в сокровищнице нет. Реликвию ценную и старинную, волшебную.

– Ну, дед, ты меня совсем заинтриговал! – восхищенно улыбнулась я. – Договорились. Но, чур, смотри у меня, по истечении недели – не жмотиться, на маразм не ссылаться и обещанную штуковину не зажимать!

– Да как можно! – замахал руками сторож. – Мое слово – кремень, не сомневайся, дочка…

Я быстренько сбегала на нашу импровизированную стоянку – откуда только прыть в усталых ногах взялась, – разбудила заспанных друзей и привела их на кладбище, попутно вкратце пересказывая свои приключения. Перспектива ужина и крыши над головой вызвала у них столь бурную реакцию, что я невольно задумалась, как мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя счастливым. И как много, чтобы не чувствовать себя несчастным…

Итак, мы поселились на кладбище, приспособив под временное пристанище выделенный нам сарай, щелястый, но еще крепкий. Кормили нас просто, но сытно – хлебом, молоком, яблоками и пшенной кашей с салом. По словам сторожа, провиантом его снабжали в ближайшей деревушке давно ко всему привычные селяне – любопытством не страдающие и лишние вопросы не задающие. К тому же по сравнению с вовсю веселящимися на поляне паломниками мы выказали себя народом тихим и мирным, никому не надоедающим и нигде набедокурить не успевшим. В соседней деревне кур не воровали, к местным девкам не приставали, похабных песен по ночам не горланили. В общем, репутацию себе и людям жизнь не портили, а поэтому здешние селяне нас привечали, не то что паломников с поляны, уже заслуживших кучу проклятий на свои непутевые головы. Вот уж точно говорят, глупые люди быстро находят общий язык, а умные – общие интересы.

Бальдур быстро подружился с моими товарищами, частично избавившись от прежней робости, хотя пороть глупости не перестал.

– Меня невеста бросила! – жаловался он принцу Таю, надеясь на понимание со стороны его романтичной натуры.

– А ты? – усмехался эльф, уже немало наслышанный о неземных прелестях пресловутой девицы Бины.

– А я пролетел десять метров, упал и руку вывихнул! – куксился незадачливый орк. – К тому же я вечно в неприятности влипаю, младшенький в семье, старшие братья меня не понимают, дразнят никчемным последышем…

– Как это? – заинтересованно поднимал голову дракон, в сарае не помещающийся и поэтому обустроивший себе личную спальню в орешнике за сторожкой.

– Было у моего отца три сына, – начинал вдохновенно повествовать Бальдур, польщенный всеобщим вниманием. – Старший умный рос детина, средний был и так и сяк, младший – и вообще дурак…

– Это ты, что ли? – басовито гудел от еле сдерживаемого хохота Трей.

– Я! – самокритично каялся орк. – Все вокруг говорят, будто Пресветлые боги обделили меня и умом, и храбростью, и смекалкой. И зачем я только на свет уродился?

– Погоди, – останавливал его Зорган, – успеешь еще на свою тяжелую долю поплакаться. Ты мне лучше поясни, твой отец – он чем-то болел?

– Почему болел? – недоумевал простодушный Бальдур, постоянно попадающийся на подколки вредного эмпира.

– А чего же тогда у него с каждым разом дети все хуже и хуже получались? – заливисто ржал Зорган, доводя до слез доверчивого орка…

Работы на кладбище и впрямь оказалось невпроворот. Дракон добросовестно извел все сорняки, без лишних заморочек выжигая их своим огненным дыханием, а Лиззи успешно упокоила пару десятков бродячих призраков, к тому времени частично восстановив свой магический потенциал.

– Как-то вечерком гуляю я, значит, между могил, – рассказывала она Витке и Кайре, – и внезапно слышу за собой шаги… Оборачиваюсь, а это упырище здоровенный!

– А ты? – обмирала чувствительная Витка.

– А я – бежать! – небрежно дергала плечиком волшебница.

– Бежать? – хмурила брови отважная Кайра. – Фи…

– Ага, еле его догнала! – победоносно подбоченилась Лиззи. – Заклинанием долбанула и под камнем закопала!

Вот так мы и жили. Весело и насыщенно. К тому же выяснилось, что Бальдур ведет путевые заметки, и теперь мы наперебой засыпали его историями про эльфийские кланы, Хрустальную долину, Храм Розы, Красногорье, Эйсен, волшебницу Оссу и все прочее, навечно впечатавшееся в нашу память. Орк восхищенно ахал, охал, хватался за щеки и записывал наши истории, едва успевая пополнять запасы чернил, кои собственноручно изготавливал из сажи и буйно произраставшей на кладбище черники. При этом он громко божился, что однажды лично посетит все описанные нами места и прославится как величайший летописец нашего времени.

И только Не знающий промаха стрелок не принимал участия в наших забавах. Работать на кладбище он не пожелал, а со стариком-сторожем старался не встречаться, шарахаясь от него словно от прокаженного. Большую часть свободного времени незрячий эльф тратил на изготовление стрел, беспрестанно бубня себе под нос что-то пугающе мрачное: о грядущих смертях, испытаниях и потерях. Признаюсь, меня в дрожь бросало от его кликушества, поэтому я не очень внимательно прислушивалась к таким речам, принимая их за бред сумасшедшего. И как оказалось впоследствии – зря, ибо слепой не приврал ни на йоту, а даже несколько смягчил надвигающиеся на нас беды, поскольку на деле все оказалось намного страшнее и опаснее. Впрочем, тогда нам в это не верилось…

Так миновала целая неделя. А вечером последнего дня Не знающий промаха стрелок отвел меня за сторожку и пасмурно сказал:

– Рогнеда, наше время истекло!

– В смысле? – не поняла я. – Ты о чем?

– Об истинной причине нашего прибытия на остров! – разозлился слепец. – Или ты о ней уже забыла? Или приплыла сюда для того, чтобы вечно чистить дорожки на кладбище да мать-и-мачеху на могилках полоть?

– Не забыла! – обиженно буркнула я. – Просто… но…

– Ясно, – красноречиво прищелкнул языком Стрелок, – мирные денечки усыпили твою бдительность, княжна. А ведь боги именно этого и добиваются, чтобы ты облегчила им задачу – взять тебя тепленькой, убить ничего не подозревающую девочку и напиться твоей силы… А ты сама им подставляешься, совершая глупость за глупостью! Ну вот зачем ты…

– Брось меня запугивать! – взбешенно рявкнула я, прерывая поток его угроз. – Я с детства запуганная. Говори четко – чего мне ждать?

– Послезавтра, – коротко бросил калека и пошел прочь, каким-то неведомым мне способом безошибочно определяя нужное ему направление. – Все начнется послезавтра!

– А ты откуда знаешь? – прокричала я ему вслед.

– Чувствую! – мрачно хохотнул слепец. – И я не ошибаюсь, уж поверь мне…

Следующий день прошел сумбурно. Мы словно ощущали витающую в воздухе угрозу, поэтому вели себя соответственно: все что оказывалось у нас в руках – немедленно из них валилось, работа – не спорилась, а на грабли мы не то что наступали – напрыгивали с размаху. Но поскольку в нашем мире не существует ничего бесконечного, нынешний день тоже начал клониться к вечеру, подчиняясь всеобщему закону бытия. Предельно вымотанная ожиданием неизбежного, я потихоньку сбежала от всех и теперь сидела на окраине кладбища – удобно устроившись на обломке давно развалившегося надгробия, пытаясь проанализировать собственные предчувствия, честно говоря, не обещающие мне ничего хорошего. Небо над моей головой постепенно затягивалось сумеречным крепом, цикады тихонько пиликали в кустах, а в соседнем болоте неторопливо распевались лягушки, готовые начать очередную часть своего еженощного квакцерта. Там меня и нашел Зорган, подкравшийся к месту моей отсидки совершенно бесшумно, словно призрак.

Я вздрогнула от неожиданности, когда он приветливо положил руку мне на плечо, а затем невозмутимо уселся рядом, прижавшись боком. Чуть скосив глаза, я с восхищением рассматривала любимого так внимательно, словно увидела его в первый раз. Пресветлые боги, какой мужчина! Именно такой, какие мне нравятся… То есть он высок – но не каланча, мускулист – но не чрезмерно, и не излучает во все стороны желание немедленно лишить невинности как можно больше девиц на выданье. А также от души подраться с первым же встречным соперником, не отрываясь от вышеуказанного занимательного занятия. Пожалуй, Зорган уступает красотой Таю и Вольдемару, но такая идет от него волна обаяния и расположения к себе, что я аж сомлела. Покачнулась и привалилась к виконту еще плотнее. Эмпир точно расшифровал мое нынешнее состояние, понимающе усмехнулся и укутал нас своим плащом, отгораживая от всего окружающего мира.

Я разнеженно сопела, уткнувшись ему в подмышку. Спрашивается, и за что мне досталось такое счастье? Может, это некая компенсация за невезучесть во всем остальном? Я мечтательно вздохнула. Нет, я не из тех, кто вешается на шею всем подряд, но какая же настоящая девушка пройдет просто так мимо красивого парня? Нет, кидаться на шею, конечно, не стоит, но сделать так, чтобы он сам за тобой побегал, да еще и считал это своей инициативой, это вполне в женских силах. И никакой волшбы в этом нет, хотя глупые мужики постоянно бормочут что-то про «женские чары». Ошибаются они, ибо «женских чар» не существует! Нет и не было их никогда, а есть умение правильно себя подать. Не умение даже, а наука целая. И пожалуй, как в любой науке, имеются здесь свои отличники, а есть и неуспевающие. Я на звание отличницы не претендую, но успехи мои, прямо скажем, весьма недурны, хотя особо красотой и не блистаю – пухленькая, курносая, грудь такая, что кажется, будто я в детстве

капусту не только не ела, но даже и не видала ни разу. Лицо от блужданий по морям, лесам да лугам – загорелое, обветренное, в конопушках, да ко всему прочему я еще и брюнетка. И однако же редкий мужик меня взглядом не проводит, в то время как наши дебелые грудастые красногорские девки, чтобы привлечь внимание какого заезжего купца, из кожи вон лезут, а ничего им не обламывается. Правда, я дома никогда на купцов-богатеев не засматривалась, ибо имидж «лысинка, пузико и кошелечек» это отнюдь не то, что мне нравится в мужчинах.

На самом деле даже и не знаю, что мне в них нравится. Вот меня пару раз спрашивали, какого бы я мужа хотела. Ну не дурацкий ли вопрос? Как любая нормальная женщина, я хочу, чтобы был он таков, дабы ощущать себя за ним как за каменной стеной. Потому что воля – это хорошо, конечно, но как порой завидуешь этим почтенным матерям семейств, у которых в голове всего три главных жизненных столпа: храм, дети, кухня. Ведь они счастливы. Хотя, может быть, только притворяются… Да нет, вряд ли. Глянешь, как идет под ручку прожившая не один год пара пожилых людей, и прямо всей кожей чувствуешь, какое от них исходит спокойствие и умиротворение. И может, порой приходит он домой пьяный, возможно, и поколачивает временами, а однако же жмется она к нему под бочок, а он горделиво оглядывает улицу, мол, смотрите, какую женщину я у вас у всех увел! И в глубокой старости готов перегрызть глотку тому, кто скажет, что его жена – не первая в мире раскрасавица…

– Я ведь все равно его сниму рано или поздно! – Виконт покрутил мое волшебное кольцо, пытаясь сдернуть с пальца, и все философские умозаключения разом покинули мою голову, улетучившись в никуда. – Клянусь!

– Палец мне не открути! – усмехнулась я. – О том ли сейчас думать пристало…

– А о чем еще? – Брови эмпира удивленно поползли на лоб. – О лишениях, испытаниях, смерти? Так не ради них я на Ледницу приплыл, а ради тебя…

– Я полагала, ты преследовал личную выгоду… – Я отстранилась и испытующе всмотрелась в его красивое лицо.

– Преследовал… раньше… – с раскаянием вздохнул Зорган, и его глаза печально затуманились. – А сейчас я очень жалею, что позволил тебе ввязаться в эту сомнительную авантюру, поверив в байки и пророчества. Лучше бы мы с тобой сбежали в красногорские леса и счастливо жили в маленькой избушке…

– А как же власть, трон Эйсена, титул и богатства? – У меня даже рот округлился от изумления.

– Дурак я был, – самокритично покаялся виконт. – Гонялся за тем, что по сути своей есть прах, тщета и суета. Ибо не в деньгах счастье заключается, не в славе и не во власти.

– А в чем же? – затаила дыхание я, надеясь, что мне вот-вот откроется великая истина.

– Девчонка, – Зорган насмешливо-ласково щелкнул меня по носу, – какая же ты еще девчонка! Счастье нельзя найти, купить или выменять, ибо оно или есть внутри нас, или его нет вовсе… А ради своих прошлых заблуждений я совершенно не готов соваться в лапы к смерти… И ради спасения мира, кстати, тоже. Ведь миру по большому счету нет до меня никакого дела!

– А если придется сделать это ради нашей любви? – спросила я, требовательно глядя на Зоргана.

– А-а-а, ну тогда да, я согласен! – наполовину в шутку, наполовину всерьез кивнул виконт. – Ведь настоящий мужчина всегда добивается того, чего хочет женщина.

Больше мы не разговаривали. Сидели молча, взявшись за руки и глядя на звезды, одна за другой зажигающиеся на ночном небосводе. А еще немного позднее услышали голос Тая, задушевно выводящего новую балладу, сложенную как будто для нас и про нас:

В мире нет мерила для любви,
Нет цены ни в жемчуге, ни в злате,
Коль клянешься в страсти на крови,

Речь не заведешь ты об оплате.
Если любишь, то со всей душой,
О любимом вечно думать станешь,
И не важно, если он плохой —
Важно, что его ты не оставишь.
В горести, а может, и в беде
О любимом ты забыть не сможешь,
Если с просьбой он придет к тебе,
Без сомненья – ты ему поможешь.
Без любви и жизнь нам не нужна,
Без нее все в мире нам не мило,
Только смерть стать истиной должна
Сердцу – что разбилось и остыло.
Потому сказать хочу врагам:
Если нужно, в бой пойду – не струшу,
Без остатка за любовь отдам
Тело, жизнь, судьбу и даже душу.

– Ты иди ложись, а то не выспишься! – предложила я после того, как песня закончилась. – А я еще тут посижу, подумаю…

– Одна, ночью, на кладбище? – почти ужаснулся Зорган.

– И чего в этом такого? – удивилась я. – Кладбище-то нам почти родным стало… – Сама не знаю почему, но сейчас я испытывала острую потребность остаться в одиночестве, такую навязчивую, словно она была подсказана мне кем-то извне. – Ступай…

– Хорошо! – согласился виконт угадав, или вернее – интуитивно почувствовав мое необычное состояние. – Но если вдруг испугаешься, то кричи!..

– Зачем? – хмыкнула я, взглядом провожая его стройную фигуру, удаляющуюся по направлению к сараю и красиво выделяющуюся на фоне зеленоватых болотных огоньков. – Ведь дорогу обратно я знаю, а покойников не боюсь…

– И правильно, чего нас бояться? – неожиданно раздалось у меня за спиной…

Я охнула, порывисто оглянулась и шокированно свалилась с обломка надгробного памятника…

На моховой кочке сидела приземистая, полная старушка, по внешнему виду – мертвее некуда! Серая рыхлая кожа покрыта струпьями и отмечена следами разложения, ногти на руках – почернели, глаза – ввалились, а тело покойницы скрывает саван из самого дешевого полотна, испачканный землей и тиной. Зато на голове старушки красуется венок из повядших лютиков, придающий ее облику толику кокетливости.

– Здравствуйте! – довольно бодро выдала я, после того как справилась с изумлением, поднялась с дерна и взгромоздилась обратно, на свое прежнее место. – А вы случайно не заблудились?

– Не-а! – довольно невнятно прошамкала покойница, скованно двигая нижней челюстью, аккуратно подвязанной белым платком. – Я – дома, вот почуяла свою и вышла поговорить…

– Меня? – оторопела я. – Я для вас – своя?

– Ага! – согласно кивнула старуха. – У тебя тоже есть охранитель! – И черный палец мертвячки многозначительно поднялся до уровня моей груди.

– Ну-у-у… – растерянно протянула я, но тут же вспомнила о кукле Злючке, прижившейся у меня за пазухой, и вовремя захлопнула рот. – Ну да!

– То-то же! – довольно констатировала старуха. – Ты скоро к реке пойдешь, найди в ней мою дочку-невесту, привет ей передай.

– Найти в реке? – осторожно уточнила я, не веря собственным ушам.

– Точно! – хмыкнула старуха. – Рек у нас много, зато невеста – одна…

– Хм… – задумалась я, абсолютно ничего не понимая. Если оная невеста проживает в реке, то она либо русалка, либо утопленница, что ничуть не лучше. Получается, одна мертвячка просит меня передать привет другой мертвячке? Ну и дела!

– Обещаешь? – между тем не отставала покойница.

– Обещаю! – покорно кивнула я, ибо мне не оставалось ничего иного. Меня с детства приучили: стариков нужно уважать, а о мертвых нельзя говорить плохого, только хорошее. И раз уж мне повстречалась старая покойница, то ничего не попишешь – придется исполнять ее указание, каким бы нелепым оно ни казалось…

– Ты теперь спать ложись, ибо утро вечера мудренее, – напутствовала меня старуха, а я послушно поднялась и поплелась в сарай, весьма уставшая от обильных впечатлений сегодняшнего дня.

Я даже ни разу не оглянулась, а потому не увидела, как покойница довольно рассмеялась, проворно вскочила, обернулась вокруг своей оси и превратилась в статную женщину, облаченную в черный, расшитый серебром плащ…

Глава 4

– Просыпайся, княжна! – Чья-то крепкая длань бесцеремонно трясла меня за плечо, насильно выдергивая из сонного царства. – Пора!

– Куда пора? – Я нехотя подняла нос из охапки свежей соломы, заменяющей мне матрас с подушкой, но слипшиеся глаза упорно не желали открываться. Вот что значит допоздна засиживаться в романтическом уголке, да еще с любимым мужчиной. Сквозь смеженные ресницы я углядела чей-то габаритный силуэт, настырно маячивший у меня перед глазами. – Ты либо не загораживай мне будущее, либо стань им! – сердито заворчала я, усиленно жамкая руками свое и без того помятое лицо.

– Как скажешь! – коротко усмехнулись в ответ.

Я наконец-то разлепила глаза и обнаружила кладбищенского сторожа, глыбой нависающего надо мной.

– Просыпайся, княжна! – занудно талдычил старик, суя мне под нос крынку с молоком. – Вот, завтракай давай и отправляйся к Говорящему камню, ибо пришло вам время вступить на тропу испытаний, ведущую к Храму Смерти.

– Ну так бы сразу и сказал! – смачно зевнула я. – А-то напустил таинственности, спасу нет. – Я еще раз мельком взглянула на торжественно-мрачную физиономию старика. И куда, спрашивается, девалось его всегдашнее добродушие и уже ставшее привычным обращение «дочка»? Нет, сегодня наш дед выглядел как-то иначе, да и держался отчужденно-важно. Чудеса…

– А где искать этот ваш Говорящий камень? – поинтересовалась я, опустошая крынку и вытирая образовавшиеся над верхней губой молочные «усы».

– За лагерем паломников, – вместо сторожа ответил мне Не знающий промаха стрелок, а старик просто развернулся и вышел из сарая, будто совершенно утратив ко мне интерес.

Я недоуменно пожала плечами, а затем вдруг вспомнила нечто важное, звонко хлопнула себя ладонью по лбу, подхватила свое барахлишко и опрометью выскочила наружу следом за стариком.

– Дед, – напоминающе заорала я в спину уходящему маразматику, – а как же обещанная мне реликвия?

Сторож нехотя обернулся и забурчал, не поднимая головы, укрытой капюшоном плаща:

– Подбери то, что само прыгнет к тебе в руки… – а затем развернулся прежним курсом и шустро потопал куда-то в глубь кладбища.

– Ну и дела! – Я возмущенно схватилась за рукояти сабель и звучно клацнула ими о ножны. – Вот непруха-то, а… Я ведь ничего толком не поняла! И почему у меня жизнь такая полосатая?

– Это у тебя не жизнь полосатая, – усмехнулся Слепой стрелок, неслышно подходя сзади. – Это ты по ней зигзагом ходишь!

– Да хоть по диагонали! – огрызнулась я. – А легче мне оттого не станет! Вот скажи, чего он подразумевал, когда выдавал свое странное указание?

– Не знаю! – насмешливо присвистнул слепец. – Хотя, возможно, и догадываюсь, но подсказывать ничего не стану, и не надейся. Но, полагаю, ты скоро все поймешь сама, если уж это указание предназначалось именно тебе. А поэтому иди-ка ты, княжна, к лагерю паломников одна. А мы, – он указал на моих бестолково толкущихся возле сарая друзей, – пойдем к нему отдельно, другим путем…

Не решившись оспаривать столь здравый совет, я прощально помахала рукой растерявшемуся Зоргану, развернулась на каблуках и смело вклинилась в буйно произрастающий за

оградой кладбища орешник, слабо надеясь, что не заблужусь по дороге и не забреду одни лишь демоны знают куда…

Я маршировала куда глаза глядят, злая как некормленая собака, так шумно ломясь через орешник, что со стороны меня можно было принять за медведя-шатуна. Сердце грызла горькая обида на весь белый свет целиком, а в частности на все-таки кинувшего меня ушлого сторожа, явно что знающего, но ничего не говорящего Слепого стрелка и свою нелегкую, зигзаго-диагональную судьбу, постоянно подкидывающую мне задачки одна зубодробительнее другой. Ну, например, к какому это Говорящему камню я намереваюсь выйти, хотя отлично знаю, что говорящих камней не существует? Или что само может прыгнуть мне в руки? Надеюсь, это будет не лягушка, не пчела и не очередной озверевший комар, только его мне еще не хватало для полного счастья! И без того от проблем голова пухнет, когда я пытаюсь придумать, как мы доберемся до Храма Смерти, справимся с Ветром Инферно и чем, собственно, закончится моя жизнь, с учетом всех бед, напророченных Раскладом Судьбы… Ох, где бы спрятаться от всех и вся? Размышляя таким образом, я больно споткнулась, чуть не выколов себе глаза об острые ветки лещины, один раз хлопнулась в крапиву и дважды – в репьи, после чего мое настроение испортилось окончательно, вылившись в состояние тотального пофигизма. Ну и гоблины со мной, даже если мне суждено погибнуть на этом странном острове! Заранее от всего не упасешься. Зачем почем зря ныть и горевать? Ведь существует отличное правило: живи каждый день так, будто он последний в твоей жизни. Ведь когда-то один из них таковым и окажется…

– Ой, похоже, накаркала! – в голос взвыла я, ибо под моими ногами внезапно разверзлась глубокая яма, в которую я и полетела, ругаясь на чем свет стоит…

К счастью, яма оказалась неглубокой, и посему мое печальное падение длилось недолго. Я мягко приземлилась в кучу палой листвы, наваленную на дно, где сейчас и сидела, ошеломленно хлопая ресницами. Затем оглядела отвесные стены ямы, сложенные из вязкой, осыпающейся глины, представила, сколько времени потрачу на то, чтобы выбраться на поверхность, и приуныла. Эх, опять мне не повезло! Да пока я тут барахтаюсь, паломники отправятся в путь и успеют уйти весьма далеко. Меня точно ждать не станут! Тогда я еще не знала, что свою судьбу мы часто находим на той дороге, по которой пытаемся убежать от нее…

Несколько предпринятых мною попыток выбраться из ямы успехом не увенчались. Глина упорно осыпалась со стен, утаскивая меня за собой на дно. А на дне ямы не нашлось ничего интересного, так, всякие пустяки: несколько ржавых колец, похожих на звенья грубо откованной кольчуги, да пара полусгнивших шелковых лоскутов – возможно, от мужской рубахи гигантского размера… М-да, если в этой яме когда-то погиб мужик, то, подозреваю, роста и могутности он был воистину впечатляющей! Вот только я ничуть не хочу последовать его примеру… Усталая, до ушей перемазанная землей, успевшая наглотаться всякой дряни, сыплющейся мне на голову и за шиворот, я сидела на листьях, положив на колени предельно изгвазданные в грязи сабли, кои использовала в качестве верхолазного инструмента. Боюсь, скоро придется сдаться на милость судьбы и начать трусливо звать на помощь, надеясь, что меня кто-нибудь услышит… Внезапно, ерзая по мягкой листве, я копчиком нащупала нечто твердое и обрадованно вскрикнула, интуитивно поняв полезность обнаруженного мной предмета. Порылась в грязи под собой и вытащила довольно длинную и прочную ореховую ветку…

– Слава богам! – облегченно вздохнула я, прислонила ветку к стенке ямы и начала карабкаться вверх.

Впиваясь ногтями в ненадежную поверхность стен, я вызывала постоянные оползни, открывающие моему взору все новые слои глины и земли. Вскоре, почти достигнув поверхности, я наткнулась на пронизывающие землю корни растений, за кои и уцепилась. Неожиданно часть этих корней оборвалась, и в руках у меня осталось нечто изогнутое и острое, в кровь

порезавшее мои пальцы. Постанывая от боли, я последним усилием взметнула себя вверх, перевалилась через край ямы и, перекатившись на траву, очутилась на свободе.

Спустя некоторое время я поднялась и побрела вперед, пока не вышла к лесному ручью – шаловливо звеневшему между зарослями папоротника. Там я перевела дух, напилась, умылась, а затем отмыла странный предмет, случайно попавший мне в руки, на который и уставилась отрешенным взором, впав в полнейший ступор. Ибо штука, доставшаяся мне не иначе как по насмешке судьбы, оказалась… чьей-то нижней челюстью!

– Интересно, чья она и как попала в яму? Точно не кошачья и не волчья! – вслух рассуждала я, вертя в пальцах кость, усеянную острыми зубами совершенно незнакомой мне формы. – Для лошадиной – мала, для собачьей – велика… А-а-а, нашла чем заморачиваться! – И я уже размахнулась, чтобы забросить бесхозную челюсть в кусты, как вдруг в моей памяти ярко вспыхнуло напутствие кладбищенского сторожа: «Подбери то, что само прыгнет к тебе в руки»! А ведь этот кусательный агрегат как раз и прыгнул!

Я многозначительно хмыкнула, завернула челюсть в носовой платок и бережно убрала в свою походную сумку, постоянно носимую мною через плечо, а затем зашагала дальше. Повременю-ка я, пожалуй, ее выбрасывать и приму за обещанную сторожем реликвию. А вдруг не ошибусь? Ведь как часто говорится дураками и храбрецами: рискуйте! Если победите – будете счастливы, если проиграете – мудры!

Пройдя еще совсем немного, я раздвинула ветки небольшого ельника и внезапно очутилась на той самой поляне, где и расположился лагерь паломников. Недоуменно почесала в затылке, не понимая – как это я добралась до него так быстро, огляделась и заметила своих друзей, под предводительством слепца выходящих на поляну с другой стороны. А на самой поляне собралось никак не меньше двух сотен человек, вооруженных до зубов и нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу так, словно все они только и ждали некоего заветного слова, призывающего начать… Хм… чего начать – я не знала, но атмосфера всеобщего ожидания ощутимо действовала на нервы. Я снова подивилась необычности всего происходящего, но решила принять нынешние события как должное, списав их на благой промысел судьбы, с чего-то неожиданно повернувшейся ко мне лицом. А не зад… хм, вернее, не тылом – как обычно!

– Ты как успела сюда добраться быстрее нас? – Зорган небольно дернул меня за прядь волос, падающую на лоб и закрывающую глаза. – На метле долетела?

– Типа того, – буркнула я, решив не посвящать любопытного эмпира в подробности моих недавних приключений. Со времен памятного отрезания косы мои волосы успели немного отрасти и теперь доставляли мне массу неудобств, постоянно выбиваясь из ленты, коей я пыталась стянуть свою непослушную шевелюру в некое подобие толстой короткой косички. Подозреваю, подобная нелепая прическа красоты мне не добавляла, хотя Зоргану почему-то нравилась. Впрочем, если он сам себя моральным уродом называет, то что с него взять?

– Ага, – глубокомысленно выдал виконт, наблюдающий за сменой выражения моего лица, – опять, значит, в историю вляпалась. И без меня! – Последняя фраза прозвучала откровенно завистливо.

Я покосилась на любимого со смесью возмущения и обожания. Нет, ну поглядите на него!.. У нас проблем – не оберешься, хлопот – полон рот, а ему хоть бы хны. Все как с гуся вода! Ну разве он не настоящий мужчина? Хотела объяснить, что вляпалась не в историю, а в грязь и прелые листья, но тут меня снова дернули. Правда, на сей раз уже не за волосы, а за рукав.

– Хватит вам шушукаться! – сердито зашипел на меня Слепой стрелок. – Так все самое интересное пропустите…

– Да? – удивилась я, но продолжить мысль не успела, ибо толпа паломников внезапно всколыхнулась и уверенно двинулась в одном направлении, увлекая нас за собой.

Нам не оставалось ничего иного, как подчиниться целеустремленному потоку человеческих тел, неудержимо увлекающему нас за собой, и бодро шагать в ногу со всеми. Справа от себя я увидела рыцаря в полном тяжелом вооружении, у него даже забрало шлема (больше смахивающего на здоровенную суповую кастрюлю) оказалось закрыто. А слева – мелко семенила древняя старушонка, вся увешанная мешочками с травами, благоухающими довольно неаппетитно. Повертев головой, я подивилась разномастности собравшихся на Леднице паломников. Кого здесь только не было… Прыщавые подростки с засапожными ножами, нервно стиснутыми в потных кулаках. Девицы весьма боевого вида, с луками, то ли плохо одетые, то ли хорошо раздетые. Больные проказой попрошайки, прекрасные эльфы и безобразные тролли, дворяне и простолюдины, старики и почти дети… Но, слава богам, в толпе соискателей милости судьбы все-таки преобладали мужчины в расцвете лет, судя по всему – довольно здравомыслящие и готовые дорого продать свои жизни. Признаюсь честно, нелепее всего здесь выглядела именно моя компания, производящая на редкость комичное впечатление. Ладно хоть большинство тех, кто намеревался высмеять или обидеть нас, шарахались в сторону, едва поймав на себе неодобрительный взгляд дракона, связываться с которым все же никто не решался.

Через несколько десятков метров мы вышли на другую поляну, обширную, отлично утоптанную и заполненную грубым подобием каменных скамей, на кои мы и начали рассаживаться. А в центре поляны красовалась массивная каменная плита, испещренная какими-то полустершимися знаками. Узрев этот памятник местной архитектуры, я прикусила губу, досадуя на собственную память. Так вот он, значит, какой – знаменитый Говорящий камень! И как я могла о нем забыть? Ведь еще на борту бригантины слепой эльф рассказывал мне о камне, на котором записаны правила путешествия в глубь острова… Ладно, чего себе настроение попусту портить, все равно сейчас на этом камне ничего не прочитаешь… Подождем, поглядим, что будет дальше.

Успокоив себя таким нехитрым образом, я уселась на ближайшую скамью и приготовилась следить за развитием событий. Мои друзья последовали моему примеру, а Трей так и вовсе улегся на землю, прикрыл морду крылом и непритворно захрапел. Не зря он, видно, любит повторять: «Всегда стремись к своей мечте. Не можешь лететь – иди, не можешь идти – ползи. А если даже ползти не можешь, то ляг головой по направлению к мечте – и лежи». Что он, собственно, сейчас и сделал…

Миновал полдень. Солнце уже перевалило через высшую точку своего дневного пути по небосводу, но закатом еще и не пахло. Жара стояла неимоверная. Прожорливые мухи тучей вились над потными паломниками, жужжа и кусая. От закованного в железо рыцаря, разместившегося неподалеку от нас, разило так, что некоторые мухи дохли прямо на лету. Однако никто из соискателей счастья так и не покинул своего поста, справедливо опасаясь упустить дарованный шанс на удачу. Постепенно молчание стало слишком тягостным испытанием, поэтому тут и там начали завязываться беседы, нередко перерастающие в склоки и перебранки. Темой разговоров, естественно, были предстоящие нам испытания, причем многие выражали сомнения в искусственном происхождении самого острова и скептично отзывались о могуществе создавших его богов. Ну и попутно восхваляли своих родовых, клановых и местечковых божков-идолов, уповая на их милость и защиту.

– Мой бог сильнее! – раздался чей-то писклявый голос, что тут же вызвало возмущенный ропот толпы.

– Твой бог – не наш! – проревело что-то косматое и волосатое, расу и пол которого я пока не сумела определить. – У нашего бога три уха, два хобота, и разговаривать он не умеет!

– И не наш! – дружно заголосили тролли. – У нашего топор и борода!

– Боги не могут сходить на землю во плоти! – важно заявил желтокожий жрец одного из многочисленных культов, распространенных в восточной части Рохосса. – Их глас могут слышать лишь избранные!

– Да какой это бог! – авторитетно возразил один из эльфийских магов. – Мы подобные сияния с голосами еще на первом курсе академии научились делать.

– Еееto ееесть чееей-то рооосссыгрыш, – пробормотал паладин, судя по его жуткому акценту прибывший из королевства Намбудия. – И хотяяя яаа не чувсствоваааать прихооода сссиииил зсслааа, яаа быыыть увееерен, что ониии приложиииить сюдааа своюуу рууууку.

– Где этот бог?! Дайте я ему башку отрублю, а? А то столько чудовищ и демонов перебил, а бога в активе до сих пор нету. – Между скамьями пробирался весь покрытый шрамами молодой герой, голова которого была покрыта белым платком, придерживаемым черным обручем, какие принято носить у обитателей пустыни.

– Богов трогать нельзя, они обидеться могут, – нравоучительно проскрипела старая ведьма.

– А что мне их обиды? Сами виноваты, нечего под руку лезть, – самоуверенно отмахнулся герой.

– Богов вообще нет! – яростным криком подвел итог всему вышесказанному могучий орк, для убедительности своих слов врезав палицей по Говорящему камню.

Плита, впрочем, даже не потрескалась, но гул от удара по ней раздался такой, что у всех присутствующих зазвенело в ушах. А нахальный орк всхлипывал и дул на отбитые ладони.

– Чего это он там плачется? – заинтересованно вопросили с дальних скамей.

– Да, вишь, бог-то его, оказывается, хреновый, – злорадно взвизгнула девица в кожаных лоскутках. – Раньше чудеса творил, а теперь творилку-то ему разбили.

– Руки, что ль, оторвали? – посочувствовал блондинистый эльф.

– Гы-гы! Нет, кое-что пониже! – дружно заржали тролли.

– Может, лекаря ему какого посоветовать? – предложил все тот же жалостливый красавец.

– Нет, это не мой бог! Мой бог сам кому хошь что угодно оторвет! – обиженно взвыл травмированный орк.

– Твой – оторвет, а мой – приделает! Значит, мой сильнее! – приговором припечатала ведьма.

– Да заткнитесь вы! – возмутилась я, доведенная этой затянувшейся сварой почти до белого каления. – Если сами не хотите узнать о том, как попасть в глубь острова, то хоть другим не мешайте смотреть и слушать…

– А? Чего? Где? – насторожились паломники, а затем на поляне наступила полнейшая тишина, ибо возле Говорящего камня появилась фигура, закутанная в белый жреческий плащ…

Вот новый участник разворачивающего возле камня представления требовательно поднял руку, привлекая к себе внимание, и откинул полы плаща. Я прищурилась, пытаясь рассмотреть его со своей скамьи, и…

– Предатель! – сердито зашептала я, хватая Не знающего промаха стрелка за воротник его охотничьей куртки. – Почему ты не поставил меня в известность о том, что нынешний жрец и тихий кладбищенский сторож – одно и то же лицо? Никогда не поверю, будто ты этого не знал!

– А зачем мне тебе об этом говорить? – вредно ухмыльнулся калечный эльф. – Я ведь пробовал тебя предостеречь, но ты меня и слушать не стала. Помнишь?

Я виновато кивнула, действительно смутно припоминая нечто подобное. Но ведь теперь уже ничего не изменить, ибо что случилось – то случилось.

– Давай забудем, – миролюбиво предложила я. – Типа, кто старое помянет, тому… хм… глаз вон! – смущенно бормотнула я. – Извини за каламбур.

Эльф криво ухмыльнулся.

– Княжна, – так же тихо шепнул он. – Выношу тебе последнее предупреждение. Еще раз в чем-то накосячишь, и я отказываюсь тебе помогать. Усвоила?

Я кивнула повторно, ощущая себя загнанной в угол. Нет, ну так нечестно! Уверена на все сто: мое хваленое невезение обязательно опередит все благие помыслы и начинания, подтолкнув меня к очередной опасной выходке. Я такая, какая есть, а мой характер уже не исправить. И ничего тут не попишешь!

Между тем жрец откинул плащ с капюшоном, оставшись в белой хламиде до земли и белом же головном платке, удерживаемом медным обручем.

– Это жрец-янтр, – подсказал принц Тай. – Я видел таких у нас в Хрустальной долине. Он служит королеве Смерти.

Янтр провел ладонью над поверхностью каменной плиты, и смазанные знаки потекли, изменяясь и складываясь в слова. А старик склонился над текстом и начал медленно зачитывать вслух:

– Сегодня вы выступаете в путь, должный привести к Храму Смерти, в коем ожидает вас встреча с судьбой. Не надейтесь, что путь окажется легким. Но тот, кто сумеет преодолеть все испытания, не выкажет себя трусливым или жадным, жестоким или подлым, получит право озвучить свое самое заветное желание, и оно будет исполнено. Но цена за милость судьбы окажется велика. Задумайтесь, готовы ли вы ее заплатить? Тот, кто рискнет вступить на путь испытаний, должен добыть три серебряные монеты, кои станут платой за переправу через реку, отделяющую мир живых от территории мертвых, за проход в храм и за вращение колеса судьбы. Но монеты те нельзя ни украсть, ни найти. Их можно лишь получить за любовь, жизнь и милосердие. Да будет так! – После этих слов жреца текст на камне снова принял прежний нечитаемый вид.

Паломники взбудораженно зашумели, покидая скамьи и готовясь выступить в путь.

– Дорога к храму открыта, – возвестил жрец, одним взмахом руки умудрившись указать на все четыре стороны сразу. – Идите тем путем, который удобен для вас. Помните, что Охотники наблюдают за вами и не допустят жульничества. Запрещено вредить местным жителям, убивать без надобности и подниматься в воздух, дабы заглянуть вперед. Да пребудет с вами удача!

– Похоже, мы добровольно записались в смертники! – громко выкрикнул Зорган.

– Если хотите, можете считать себя таковыми, – ехидно улыбнулся жрец. – Хотя я бы предпочел считать вас… хм… посланниками. Да, точно. Посланниками богов!

– И послали нас куда подальше, – многозначительно прокомментировала я. – Ладно, а что теперь…

Но, кажется, жрец счел разговор оконченным, ибо накрыл голову капюшоном плаща и попытался незаметно ретироваться с поляны под шумок, создаваемый паломниками. Но я проявила бдительность, метнулась к камню и ухватила жреца за рукав одеяния.

– Извините, кхм, – озабоченно кашлянула я, привлекая к себе внимание янтра. – А вы случайно нам не поможете ли?

– Чем? – вежливо поинтересовался жрец, не делая попыток вырваться из моих цепких рук.

– Понимаете ли, – мялась я, подбирая нужные слова, – среди нас находится огромный дракон, а он…

– Запросто способен облететь весь остров? – насмешливо закончил за меня жрец.

– Ну что-то типа того! – скорбно вздохнула я. – И тем самым нарушить правила…

– Не проблема! – Жрец хлопнул в ладоши и, ловко выдернув свой рукав из моих пальцев, вперевалочку потопал восвояси.

– Не поняла… – Я растерянно моргала глазами, пялясь в спину бодро удаляющегося прочь жреца. – Я же помощи просила! Трей, ты… – Я огляделась, отыскивая спящего в траве дракона. Но, увы, сколько я ни щурилась от яркого солнца и ни вертела головой, рискуя заработать шейный остеохондроз, вместо привычной крылатой туши мои глаза натыкались лишь на развесистые лопухи, желтые лютики и круглые листья подорожника. Наш дракон исчез бесследно, будто растворился, хотя как, где и когда можно было успеть спрятать этакую габаритную и колоритную личность, я наотрез отказывалась понимать. – Трей, ты где?! – в итоге панически завопила я, так и не обнаружив ничего, даже отдаленно смахивающего на спящего, причем совсем недавно еще и громко храпящего дракона. – Ты куда запропастился?

– Да туточки я, туточки! – неожиданно донеслось из лопухов.

– Где? – Я ошеломленно присела на корточки, руками раздвигая траву, ибо ответивший мне голос ничуть не напоминал привычный трубный драконий рев, а звучал на редкость тихо и пискляво. – Ты со мной в прятки поиграть решил? Трей, это уже не смешно, не мотай мне нервы, я и так на взводе…

– Какие, к гоблинам, прятки? – обиженно пищало из лютиков. – А мои нервы тебе не жалко, значит? Я проснулся, а вокруг – лес до небес. Вроде мы вчера не пили ничего крепче обычного кваса. Или нам в квас что-то подсыпали, как думаешь?.. – И из подорожника прямо ко мне на ладонь выползла зеленая говорящая ящерица, размерами ничуть не превосходящая нашу крысу…

Я растерянно охнула и с размаху хлопнулась на пятую точку, раздавив с десяток цветочков.

– А чего это вы такими огромными вдруг стали? – удивленно пищала ящерица, столбиком встав у меня на ладони. – Все, даже хилая Витка… – И тут до ящерицы наконец-то дошло. – О нет, только не это! – горестно застонала она, хватаясь лапками за голову. – Какой урон нанесен моей гордости, моему чувству собственного достоинства, я этого не переживу…

– Ну вот твоя просьба и выполнена, дорогая! – рассмеялся Зорган, отнимая у меня ящерицу и усаживая к себе на плечо. – Ибо в таком карманном формате Трей много не налетает. Не правда ли, кузнечик? – И он игриво пощекотал ящерице брюшко.

Дракон, волей жреца уменьшенный до размера ящерицы, ответил ему сердитым шипением.

– Ты возглавляешь наш отряд, тебе и выбирать! – равнодушно произнес слепой эльф, выслушав заданный ему вопрос, звучащий так: «Куда нам нужно идти?» – Будь уверена, на острове все пути ведут только к храму, а не куда-то еще.

Я задумчиво смотрела на облако пыли, поднятое паломниками, галопом ринувшимися с поляны, и размышляла. Пожалуй, наша немногочисленность – наше главное преимущество. Хотя через пару дней другие тоже поймут, что за счастьем табуном не ходят, и разделятся на несколько групп. Главное, не столкнуться с ними по пути, памятуя о «нежной симпатии», испытываемой к нам их вожаками… И пожалуй, если я не знаю, куда следует идти, то послушаюсь своего сердца…

– Идем к ближайшей реке! – объявила я, вскидывая на плечо походную сумку. – Ты знаешь, где она находится?

– Знаю, – подтвердил калека. – Однако зачем тебе туда понадобилось?

– А про девушку, утонувшую в этой реке, ты случайно не знаешь? – спросила я, приноравливаясь к его размеренной походке.

Эльф сдавленно ругнулся и встал как вкопанный.

– Ты вознамерилась увидеть Речную невесту? – ахнул он. – Но зачем? Что за странная блажь посетила твои скудные мозги, княжна?

– Э-хм… – смутилась я. – А почему ты так бурно реагируешь на мое желание?

– Потому, что Речная невеста – самое ужасное чудовище в здешних местах, погубившее массу народу. Где ты вообще умудрилась о ней услышать?

– Не только услышала, но и обещала ей привет передать! – виновато опустила глаза я.

– Княжна, я тебя уже предупреждал об очередном косяке! – с подначкой напомнил слепец, поворачивая ко мне изуродованное лицо, белое от едва сдерживаемой ярости. – Теперь пеняй на себя!

Я лишь мило улыбнулась в ответ, делая вид, будто меня посетил спонтанный приступ амнезии и попутно пытаясь убедить себя в том, что веду себя правильно, ибо легкая придурковатость делает человека практически неуязвимым. Ну а что еще мне оставалось?

Для ночлега мы выбрали небольшой осиновый лесочек, разожгли костер, быстренько сварили кулеш – пшенную кашу с салом, воспользовавшись запасами, щедро выданными нам кладбищенским сторожем, так же быстренько поужинали и завалились спать. Оберегать наш сон вызвался дракон, добровольно принявший на себя обязанности караульного, ибо, по словам Трея, ему предстояло подумать о смысле жизни, вернее, переосмыслить масштабность своих замыслов с учетом нынешних уменьшенных размеров. Тай постарался утешить дракона – пообещав добыть ему в невесты миниатюрную саламандру, а Зорган зевнул и насмешливо сообщил, что размах амбиций от скудных физических размеров не зависит. И даже наоборот… А потому – не плачь, кузнечик!

– Люди, желающие нам только добра, делают нашу жизнь совершенно невыносимой! – обиженно пискнул Трей из-под лопуха.

– А я не человек, – справедливо поправил его виконт, – я эмпир. А посему… – Он демонстративно отвернулся от дракона, намекая, что зерно мудрости в его высказывании тот должен найти самостоятельно.

– Ну зачем ты с ним так? – попеняла я любимому, укладываясь на плечо к Зоргану. – Ведь Трей отнюдь не дурак…

– Парадокс состоит в том, что этот мир прекрасен всем, даже своими дураками, – улыбнулся мне эмпир. – Нужно просто уметь ими пользоваться…

Я промолчала, мысленно с ним соглашаясь. Как хорошо, что я смогла реализовать главную мечту каждой женщины. Мне нужен сильный мужчина – сильный во всех смыслах, и пусть у него будет только одна слабость – я! И такой мужчина у меня есть… Аж сама себе завидую иногда!

– Милый, ты даже не представляешь, как это приятно – лежать на волосатой груди любимого мужчины! – расслабленно мурлыкнула я, любуясь звездами, обсыпавшими небосвод густо и фантазийно, словно мука фартук пекаря.

– Очень надеюсь, что мне никогда не придется этого испытать! – хохотнул виконт, укрывая меня своим плащом. – Спи, неугомонная!

И я сразу же заснула…

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг пробовал убедить себя в том, что предается философской медитации, но на самом деле пребывал в глубочайшей депрессии. Нет, с одной стороны, его планы начали реализовываться, и все вроде бы складывалось хорошо – война между кланами Белой и Синей розы вступила в наиболее острую фазу, но весы противостояния постепенно склонялись на половину воинственных хозяев Ширул-эль-шэна, а жители Эль-силя были обречены на поражение. И это понятно, ведь лишенные мудрого повелителя и всех принцев Белые оказались дезорганизованы, и даже отважный Дениэль – племянник скончавше-

гося короля, ныне возглавляющий войско Белых, не смог исправить сложившееся безнадежное положение. Демоны Нижнего уровня, направляемые хитроумной Ринецеей и ее братом, гранд-мастером черной магии Астором, узурпировали престол Пресветлых богов, заточив оных в подземном озере. А с другой стороны, Гедрон четко понимал, что до тех пор, пока Воины Судьбы остаются живыми и невредимыми, его шансы на власть весьма эфемерны, а положение – шатко. Но вот вывести из игры этих самых Воинов ему, увы, никаким образом не удается…

Чернокнижник взбешенно скрипнул зубами и громко выругался…

– Сочувствую! – насмешливо прозвучало из самого темного угла комнаты.

Гедрон стремительно обернулся…

Принц демонов Астор вольготно развалился в мягком кресле, закинул ногу на ногу и подравнивал кинжалом свои длинные, матово отсвечивающие ногти. На губах прекрасного блондина играла загадочная улыбка.

– Сочувствую! – повторил гранд-мастер, хотя от его интонации веяло отнюдь не пониманием, а сарказмом. – Кажется, тебя обули по полной программе, да, маг? – Кинжал противно вжикнул, а Гедрон нервно вздрогнул, почувствовав себя уязвленным. – И кто обул, спрашивается? Малосимпатичная девчонка, дракон-подросток, горбатый принц и эмпир-изгнанник… Хм, а кто там еще в их компанию затесался? – Астор нахмурился, вспоминая, так и не вспомнил, а потому наплевательски махнул рукой, попутно забрасывая кинжал куда-то в пустоту. – Не важно. Важен сам факт твоего бессилия. Скажи, а может, ты уже сдался и забыл Воинов Судьбы?

– Нет, не сдался. Да чтобы их так все забыли, как я их помню! – хрипло и грубо откликнулся лла-Арр, уязвленный вдвойне. – У меня все еще остается шанс отомстить, ибо путь до Храма Смерти длинный, остров Ледница большой, а по дороге с ними всякое может случиться…

– Отлично! – одобрительно улыбнулся гранд-мастер. – Но поторопись, ибо время играет против нас. Если они сумеют собрать монеты, то их никто не посмеет остановить…

– Даже вы? – не поверив, оторопело вытаращился на него Гедрон.

– А я тут вообще при чем? – рассмеялся принц. – Я – просто сторонний наблюдатель. К тому же, как только они вступят на борт ладьи Харона, сразу же станут неприкосновенными, ибо очутятся во власти королевы Смерти. А я хоть и ее воспитанник и любимый ученик, но соревноваться с таким противником… – Демон иронично присвистнул. – Извини, мне еще жить не надоело. Поэтому поторопись, а если нет – то останешься один на один с этой ненормальной княжной. И тогда я, честно, скорее поставлю на нее, чем на тебя.

– А вы не хотите разобраться с ней раньше и лично? – почти взмолился несколько напуганный Гедрон.

– Ну уж нет, приятель! – сердито отказался Астор. – Ты сам эту кашу заварил, сам ее и расхлебывай. Это первая причина. А вторая, по которой я в твои аферы не полезу, заключается в том, что с девушками я не воюю. Принципы не позволяют. К тому же сия девица совершенно не в моем вкусе. Мне больше рыженькие по нраву… – Гранд-мастер мечтательно вздохнул, его глаза затуманились, будто сейчас он смотрел не прямо перед собой, а в собственное прошлое или, возможно, в собственное будущее…

– Они идут к реке, – хмуро сообщил чернокнижник, – и с помощью магии попытаются вступить в контакт с Речной невестой. А та…

– А та – дама чрезвычайно нервная и некоммуникабельная, – хмыкнул демон. – Сначала прибьет, а потом уже посмотрит, кого прибила.

– А если нет? – осторожно предположил Гедрон. – Если она им поможет? Вдруг они ее к сотрудничеству чарами принудят?

– Эх, учила же меня наставница: кто людям помогает, тот тратит время зря… – под нос себе бормотнул гранд-мастер. – Ну да ладно, дам тебе подсказку: убери из их команды волшебницу. Хотя бы на это ты способен?

– Как? – почти закричал лла-Арр. – Вспомните, я уже пытался это сделать! Как мне ее убрать?

– Не умничай, – иронично посоветовал принц. – Будь проще, и удача к тебе потянется. Не придумывай заумные каверзы, от которых закипают мозги. Действуй грубыми и проверенными методами. Ну скорми ее кому-нибудь голодному, что ли, на худой конец…

– Скормить? – Гедрон восторженно хлопнул себя ладонью по лбу и разразился ликующим хохотом. – Точно, и как же я раньше не догадался? Скормить!.. – Он рысцой подбежал к шкафу, битком набитому книгами, и начал рыться среди свернутых в трубки свитков, отыскивая нужный. – Скормить, – непрерывно бормотал он, очевидно преследуемый некой навязчивой идеей, – скормить, и нет проблемы…

– Ну вот, давно бы так! – довольно констатировал демон, потирая руки. – Надеюсь, на сей раз у нас все получится. Ведь я уже совсем было разочаровался в тебе, приятель!

И Астор исчез в облаке серого тумана, оставив Гедрона увлеченно бормотать заклинания да хлопотать вокруг котла, бросая в него все новые и новые ингредиенты… А облако прощально хмыкнуло голосом гранд-мастера, отлично знающего о том, что любая, даже самая сложная проблема обязательно имеет простое, легкое для понимания, но неправильное решение…

– Княжна! – Чей-то дикий вопль вырвал меня из объятий сна, заставив подпрыгнуть и врезаться макушкой в нижнюю челюсть Зоргана. Клыки виконта звучно клацнули.

– Как же я вас всех люблю!.. – с чувством проворчал эмпир, после того как ощупал челюсть, удостоверившись в ее целости и сохранности зубов. – Так бы и поубивал гадов…

– Кто меня звал? – спросила я, силясь избавиться от странного ощущения, будто все события моей жизни имеют свойство повторяться. Все, особенно самые нехорошие. – Полагаю, не для того, чтобы пожелать доброго утра?

– А с каких щей оно вдруг доброе? – сварливо пробубнил Михась, указывая на наши бесцеремонно распотрошенные сумки, разбросанные вокруг потухшего костра. – Не знаю, кто посетил нас нынче ночью, но шмон он устроил знатный…

– Не он, а они… – задумчиво уточнил Зорган, расправляя примятую траву и рассматривая остывшую золу, отмеченную весьма странными следами. – Я насчитал следы трех размеров, значит, визитеров было трое или около того. Но зашибите меня Пресветлые боги, если я не прав… Кажется, у наших ночных гостей по шесть ног!

– Шесть? – не поверила я, разглядывая оставленные ими отметины – пугающие и непривычные глазу, похожие на борозды от острых крюков. – Не припомню ни одного существа, способного оставлять подобные знаки… Тай?

Но наш начитанный принц лишь недоуменно пожал плечами, выказывая полнейшую неосведомленность в подобном вопросе.

– И как же мы не увидели их ночью? – растерянно чесал в затылке Зорган. – Допустим, они передвигаются совершенно бесшумно, но не бесплотные же они. Мы бы их заметили… Дракон! – вдруг осенило эмпира. – А где же наш злобный сторожевой кузнечик?

После недолгих поисков мы обнаружили Трея спящим, а точнее – беспробудно дрыхнущим в пустом, до блеска вылизанном котелке из-под каши.

– Понятно! – рассмеялась я. – О смысле жизни приятнее думать на сытый желудок, и…

– Княжна! – вдруг раздраженно позвал Не знающий промаха стрелок, и я поняла – его вопль и стал причиной моего спонтанного расставания со сном. – Перестань дурью маяться и

ворон считать, лучше оглянись вокруг. Наши ночные гости не просто распотрошили сумки, они забрали Лиззи и Вольдемара…

– Чего? – заорала я, прыжком поднимаясь на ноги. – Куда, зачем?

– Съедят! – насмешливо ответил слепец, и, судя по его довольному лицу, панические нотки в моем голосе доставили ему истинное удовольствие. – Подвесят на дерево, впрыснут в них фермент из своих жвал, дабы мясо жертв стало мягче и слаще, а потом – съедят. Дней через пять…

– Э-э-э? – ошеломленно выдохнула я, ощущая себя полной дурой. Впрочем, другие чувствовали себя ничуть не лучше: у Зоргана удивленно округлились глаза, Кайра брезгливо сморщилась, на Михася напала икота, а Витка вообще грохнулась в обморок. – Кто съест?..

– Пауки! – неожиданно изрек Тайлериан, продолжающий исследовать загадочные следы. – Теперь я догадался – наших друзей похитили пауки… Только таких огромных я никогда не встречал… – Он прищурил правый глаз, пожевал нижнюю губу, а затем уверенно раскинул руки, обрисовывая нечто огромное. – Полагаю, размером они немного меньше дракона, но намного крупнее лошади…

– Да ну?! – недоверчиво выдохнула я.

– Баранки гну! – громко захохотал слепец. – А ваш принц прав. Местные пауки действительно обладают такими размерами. Не все подряд, конечно, но некоторые – да.

– И зачем? – поинтересовалась здравомыслящая Кайра. – Хочу знать чисто для общего развития, ведь такие громадины мухами не прокормятся…

– Плевать им на мух, – ухмыльнулся Стрелок. – Я же вам говорю, они питаются человеческой плотью!

– И как боги допускают подобное безобразие? – возмутилась я. – Почему не уничтожают мерзких тварей?

– А зачем? – Слепой буквально наслаждался атмосферой животного страха, почти физически сгустившегося над нашими головами. – Эти пауки служат королеве Смерти, охраняют подступы к ее храму и следят за паломниками. А зовутся они Охотниками, и от них нет ни укрытия, ни спасения. Я вас уже предупреждал – мы все обречены на мучительную гибель…

Я задохнулась от ужаса, представив ожидающую нас участь. Громко рыдала Витка, а Кайра ругалась на чем свет стоит, схватившись за свою рапиру и готовая дорого продать жизнь.

– Неправда! – внезапно заявил всеми позабытый и до настоящего момента скромно помалкивающий Бальдур. – Мы не погибнем, ибо мне ведом рецепт спасения.

Мы загалдели наперебой, расспрашивая и нетерпеливо тормоша надувшегося от гордости орка, уже возомнившего себя спасителем мира.

– Цыц! – наконец прикрикнула я, заставляя остальных умолкнуть. – Бальдур, не выпендривайся, рассказывай все по порядку…

– Хорошо! – послушно кивнул сговорчивый парень. – Я родился и вырос на острове, в одном из проживающих тут орочьих племен. Страшные сказки об Охотниках из Храма Смерти мне рассказывала мама. По ее словами, гигантские пауки отлично маскируются и бесшумно похищают свои жертвы, утаскивая их в специально заготовленное логово. И они находят паломников даже в абсолютной темноте, по запаху. Но запах живой плоти можно отбить с помощью некоего снадобья, изготавливаемого в деревушке Большие Бодуляны. Вот только селяне никогда добровольно не отдадут и не продадут нам оное снадобье, верные договору, заключенному с Охотниками, не трогающими их поселение…

– И где находятся эти твои Бодуляны? – нетерпеливо перебил орка Зорган.

– Рядом! – махнул рукой Бальдур. – День ходу.

– И на что похоже это снадобье? – недоверчиво фыркнул слепец. – Никогда о нем не слыхивал. А ты, часом, не врешь?

– Мамой клянусь! – торжественно заверил его Бальдур. – Снадобье – это обычный, вернее, необычный самогон, настаиваемый на тридцати травах. А деревенские жители делают его для себя и употребляют в нескромных количествах…

– Алкаши! – понимающе хмыкнул эмпир. – Такие точно не отдадут и не продадут…

– И как же мы добудем волшебную настойку? – деловито осведомилась я. – Нужно как-то раздобыть оный самогон, обезопасить себя от Охотников и спасти наших похищенных друзей. Поэтому я ставлю вопрос конкретно: как мы добудем это гоблиново пойло?

– Не знаю! – развел руками слепой.

– Не знаю! – пожал плечами Зорган.

– Не знаю! – печально вздохнул эльфийский принц.

– Зато я знаю! – гордо выпятил грудь Бальдур. – Все просто. Мы тайком проберемся в деревню и… украдем волшебный самогон! Кто идет со мной?

– Я! – обреченно вздохнула я, украдкой косясь на протестующе сморщившегося Стрелка. А чего, интересно, он кривится? Все равно отступать мне теперь уже некуда. Косячить так косячить!.. – И не уговаривай, все равно я Бальдура не отпущу в одиночку на такое опасное задание, – в качестве оправдания выдала я. – А кроме того, если во мне постоянно борются добро и зло, то…

– То постоянно побеждает придурь! – насмешливо оборвал слепой. – Ладно уж, ступайте…

Глава 5

Дело шло к вечеру, но нагретая за день пологая крыша сарая, покрытая тонким слоем соломы, напоминала раскаленную сковородку, а мы, возлежащие на ней в позе утомленных работой тружеников полей, – трех жарящихся рябчиков. Мы – это я, Бальдур и Зорган, наотрез отказавшийся оставить меня наедине с непутевым орком, способным, по словам эмпира, втянуть девушку во все мыслимые и немыслимые неприятности. Так наше трио попало в деревню со звучным названием Большие Бодуляны. Кстати, о том, насколько оное название соответствует суровой действительности, нам предстояло узнать совсем скоро…

– Скучно! Когда начнем? – Я зевнула и перевела взгляд на забор, возвышающийся прямиком перед сараем. Сей архитектурный шедевр являл собой весьма плачевное зрелище – старый, потемневший от времени, с расшатанными досками-горбылями, добрая половина коих то там, то здесь вовсе отсутствовала, и в этих местах вызывающе торчали наскоро обструганные колья. За забором же, постепенно наливаясь закатным румянцем, спела вишня. Крупные, идеально круглые, без малейшего изъяна ягоды даже сейчас, с недозрелыми зеленоватыми бочками, выглядели невероятно аппетитно. Я шумно сглотнула, с трудом отводя взгляд от столь соблазнительного зрелища. Кто-то из древних мудрецов сказал, что миром правят любовь и голод. Точно – правят, даже здесь, на острове богов.

– Ночью! – заявил орк, тоже голодный и также не сводящий глаз с заманчивых ягод. – Когда стемнеет, не раньше…

Сквозь ветви с алеющей вишней просматривалась соседская изба с высокого крыльца которой крадучись спускался невысокий мужичок. Его бороденка цвета весеннего, перемешанного с оттаявшей землей снега воинственно топорщилась.

– Ого! – воодушевился Зорган, враз забыв о скуке. – Никак тот самый дед Агафон – ценитель местного самогона, собственной склочной персоной?!

Между тем дед воровато оглянулся и резво вчистил по улочке, быстро скрывшись из виду.

– Забудь, что я о нем рассказывал, – вяло отмахнулся Бальдур, даже головы не повернув. – Наверняка он с похмелья и злющий аки гоблин…

– Вернее, с бодуна! – со вкусом поправил эмпир. – А значит, легкая добыча…

– Не-а, – упорствовал орк. – Лучше подождем местную повитуху, она всегда по ночам к травнице за самогоном ходит. Повитуха – бабка хилая и подслеповатая, у нее самогон украсть легче будет, чем у Агафона, способного за бутыль даже демону горло перегрызть.

– Сдрейфил, что ли? – высокомерно хмыкнул эмпир. – Так вот, знай: кикимор бояться – клюквы не едать!

– Ах так… сам ты сдрейфил! – С этими словами Бальдур резво съехал до края крыши, запнулся ногой за какую-то железку, невесть как оказавшуюся здесь, и с воем средних размеров гарпии ухнул вниз.

Зорган ухмыльнулся и осторожно спустился по приставленной к сараю лесенке. Из большой кучи вырванных с огорода сорняков раздались невнятные ругательства, а потом несчастную, уже успевшую увянуть травку разнесло в стороны. Хмурый орк поднялся на ноги, вытряхивая из вставшей дыбом шевелюры сухие веточки.

– А по-простому выбраться нельзя было, проводник недоделанный?! – ужаснулась я. – Без лишних сценических эффектов?

– Спокойно! – невозмутимо отозвался Бальдур, отряхнул ладони и хорошо поставленным голосом пропел какую-то абракадабру, из коей мы с Зорганом не поняли ни слова.

Зато сорняки, как оказалось, все поняли отлично – взмахнув печально обвисшими листочками, они стайкой беззаботных пичужек взмыли в воздух и, перелетев забор, в живо-

писном беспорядке устлали землю под соседскими вишневыми деревьями. Юный маг пожал плечами, почесал маковку и, просияв, выдал:

– Что ни делается – все к лучшему!

– Ого, какой крутой – ломом подпоясанный! Так ты еще и колдовать умеешь? – впечатлился виконт.

– Немного! – скромно зарделся орк. – Предлагаю посидеть под забором и подождать деда Агафона, чую – он за выпивкой к травнице отправился…

В своеобразной засаде было до ужаса неудобно – мало того что забор здесь вплотную подходил к свежей навозной куче, так еще злющая крапива в полтора человеческих роста нещадно жалила наши босые пятки. Ибо сапоги нам пришлось снять для бесшумности передвижения и для конспирации, ведь местные такую обувь не носили, а чужие следы могли насторожить какого-нибудь деревенского вояку. Поэтому выбора у нас не осталось. А Бальдур – по мнению Зоргана, успевший от скуки повредиться в своем и так невеликом уме, – всерьез решил заняться слежкой за объектом нашего интереса, и отсюда как раз отлично просматривался соседский двор, чему немало способствовала зияющая дырка на месте выбитой когда-то доски. По двору, кстати, сейчас бестолково метался дед Агафон, хитро оглядываясь и бережно, аки кормящая мать единственное дитя, придерживая что-то за пазухой. Наконец сумбурный забег закончился возле крыльца, под которым стояло ведро. Вновь оглядевшись по сторонам и не заметив, по-видимому, ничего подозрительного, Агафон выудил из-под телогрейки, которую носил не снимая в любое время года, внушительных размеров бутыль с плескающейся внутри мутной жидкостью, любовно погладил пузатые стеклянные бока и ловко засунул ее в ведро. Вздохнул с облегчением, потер руки и, крякнув, гордо прошествовал в избу. Мы понимающе переглянулись… В наших головах промелькнула одна и та же мысль, и слов не потребовалось.

– Тот самый самогон? – на всякий случай спросила я.

Орк радостно закивал.

– Готов? – полувопросительно глянул Зорган на Бальдура и, дождавшись его утвердительного кивка, змейкой юркнул в щель между досками забора. Одновременно с этим душераздирающе скрипнула соседская дверь, являя миру встрепанного и нервно вздрагивающего Агафона.

– Стой!.. – панически зашипел орк, в последний момент хватая виконта за ногу. – Даже не дыши!.. – Шепотом предупредив эмпира, парень вновь припал к дырке в заборе. А мне пришлось снова залечь в треклятую крапиву.

Тем временем дед Агафон трясущимися ручонками вызволял бутыль из плена ржавого ведра – видимо, посчитал его недостаточно надежным тайником для такого сокровища. Ведро сопротивлялось, все глубже продвигаясь под крыльцо… Плюнув на все, ценитель крепких спиртных напитков выволок ведро и водрузил его на перильца крыльца. Однако железная утварь не сдалась без боя – перевернувшись, она вдарила Агафона по лбу, а бутыль выпала и голодным коршуном ринулась вниз, к своей бесславной гибели. Мужичок, издав отчаянный хрип, распластался на земле, протянув руки к небесам. Вот в такие любящие объятия бутыль благополучно и опустилась… вернее, грохнулась всем своим немалым весом. Я аж зажмурилась, отчетливо представив себе хруст ломаемых ребер.

– Силен мужик!.. – уважительно прошипело из соседских кабачков, приютивших виконта, и я поняла, что обошлось. Открыв глаза, я с удивлением увидела, как Агафон со слезами радости прижимает к себе чудом спасенную бутыль.

Однако ненадолго воцарившаяся во дворе идиллия была нарушена скрипом распахиваемой во всю ширь двери и зычным, явно привыкшим командовать голосом:

– Агафон! Чтоб тебя, козла безрогого, живо домой!..

В кабачках даже дышать перестали, полностью слившись с окружающей природой. Бальдур непроизвольно отпрянул от забора, не удержался на затекших ногах и шлепнулся прямиком в злорадно зашелестевшую крапиву – точнехонько на меня. Клацнул зубами, выпучив глаза от объятий жгучей ехидины, и, стараясь не шуметь, снова отполз поближе к забору. Ибо оторваться от разворачивающегося во дворе действа было невозможно…

Тетка Аграфена, жена Агафона, славилась в округе длинным злым языком и тяжелой карающей дланью. Собственно говоря, именно россказни орка о дебелой ручке оной воительницы и заставили нас с Зорганом пожелать оказаться как можно дальше от этой страшной женщины. Однако эмпиру невольно пришлось изображать из себя перезревший кабачок, а нам с Бальдуром совесть не позволяла бросить товарища в такой беде. Кстати, при разборках с воришками, покусившимися на дары ее сада, Аграфена не признавала ни нравоучительных лекций, ни деревенского судилища, искренне считая, что старые добрые средства – гибкая хворостина да пук жгучей крапивы – гораздо действеннее. Однажды попавшийся ей Бальдур, воровавший вишню, с тех пор полностью разделял это мнение, стараясь лазить в ее огород лишь тогда, когда противная тетка надолго отлучалась из дому.

Итак, злосчастный Агафон, застигнутый на месте преступления, подпрыгнул на локоть и, затравленно оглядевшись, засунул свою бесценную ношу под лавку, скромненько примостившуюся у крыльца…

– Агафон! – сотряс воздух очередной вопль Аграфены, и бедный мужик, втянув голову в плечи, поспешил на зов. Дверь захлопнулась, внутри что-то взвыло, громыхнуло, заверещало – и стихло.

– Фигу я когда женюсь, – обалдело пробормотал Бальдур, от души сочувствуя мужику, а потом бросил взгляд на подозрительно притихшую кабачковую грядку. – Зорган, жив? – обеспокоенно вопросил он, не обнаружив там никаких признаков наличия нашего товарища.

– Агась, – отозвались кабачки голосом эмпира.

Бальдур изумленно крякнул и присмотрелся получше.

– Ну ты и окопался! – захохотал он, разглядев виконта под ворохом кабачковых плетей.

– Ты на моем месте еще не так окопался бы, – с чувством проговорил Зорган, мотнув взлохмаченными вихрами, и тут его глаза загорелись тем самым нездоровым азартом, что так часто доводил до сердечного приступа его эйсенских наставников и охранников, наученных горьким опытом. – Ну, я пополз!

– Куда?! – протестующе прошипела я вослед шустро ползущему уже по огуречной грядке Зоргану. – А ну как Аграфена нарисуется, дурень?! Тебе что, жить надоело?

– Похорони меня тогда под тремя березками на холме, – с пафосом, не оборачиваясь, прошипел любимый, – а домой пошли письмо на имя моей матушки, дескать, пусть не держит на меня зла. А то еще с ее карающего слова стану призраком, и ей же хуже будет – вот как явлюсь темной ночкой под окна маменькиной спальни!

– Тьфу на тебя, – с чувством выругалась я, погрозив кулаком уже подползшему к крыльцу Зоргану.

Заслуженный же юморист благополучно дополз до крыльца, огляделся, по-гусиному вытянув шею, резво вскочил на ноги и, пакостливо улыбнувшись, выудил из-под лавки заветную бутыль. Шагнул было обратно к забору, но потом, немного подумав, отлил часть самогона в свою походную флягу, расплылся в широчайшей ухмылке и заныкал полупустую бутыль… обратно в ведро. Только не в то, что под крыльцом затаилось, а в то, что на виду у колодца стояло. Раскланялся, прижимая руки к груди, послал закрытой двери в избу воздушный поцелуй и, нырнув в заросли укропа, как заправский разведчик пополз обратно.

– Выпендрежник! – беззлобно ругнулась я, едва перемазанный в грязи, но все равно сияющий лик любимого явился моему взору. – А просто притащить всю бутыль ты не мог, шалопай?! И зачем тебе понадобилось совать ее в ведро?!

– Но ведь это же так скучно! – уставился на меня своими смеющимися глазищами виконт. – И потом, где дух авантюризма, ни с чем не сравнимый привкус опасности и эйфории, будоражащий кровь не хуже красного эльфийского вина?! А насчет ведра… ну что я могу сказать? Захотелось!

День неуклонно угасал, но мы мужественно оккупировали забор, дабы не пропустить подготовленное нелегкими, пусть и не совсем праведными, трудами зрелище… Первой из дому слиняла Аграфена. При виде дородной женщины, разнаряженной в кричащего цвета сарафан, грозно спускающейся по жалобно скрипящим ступеням крыльца, парни малодушно зажмурились.

– К соседке навострилась, сплетнями обмениваться, – выдохнул Бальдур, когда хлопнувшая калитка возвестила о том, что опасность миновала.

Зорган хищно улыбнулся и, приложив палец к губам, жестом предложил нам полюбоваться на крыльцо. В общем-то давно не мытое, слегка покосившееся, оно не стоило особого внимания, зато субъект, выползший из избы, определенно его заслуживал.

– Начинается! – блестя глазами, шепотом возвестил эмпир, не отрывая взгляда от рванувшего к лавке Агафона.

Мужик так увлекся, пытаясь нашарить бутыль, что почти весь залез под низенькую лавочку, демонстрируя чудеса акробатики. Спустя полминуты послышался горестный вой обманутого деда Агафона, и он, с трудом выбравшись из-под лавки, забегал подле крыльца, хватая себя за бороду и сыпля проклятиями неизвестно на чью голову. После минутной активной истерики обворованный выпивоха застыл, схватился за сердце, рухнул на землю, где и распростерся – не подавая признаков жизни… Мы растерянно переглянулись.

– Перебор, – виновато констатировал Зорган, округлившимися глазами взирая на Бальдура. – Чего делать-то? Ведь, кажись, скопытился мужик…

– Не знаю… – проблеял орк и судорожно вздохнул, пытаясь вернуть трусливо ухнувшую в пятки душу на место.

В довершение всех бед вновь хлопнула калитка, и к крыльцу гордо подплыла явно чего-то забывшая тетка Аграфена.

– Ты чего разлегся, боров старый?! – накинулась она на мужа, узрев его возле крылечка. – Никак нажраться успел?! Охти же мне, горемычной! – И добросердечная женщина очень ласково пнула любимого муженька в бок. Не дождавшись реакции, она отвесила еще один нежный пинок и наконец-то склонилась над закатившим глаза Агафоном, прислушалась к чему-то… Спустя миг окрестности сотряс дикий вопль: – Караул! Убили-и-и!..

Орк с эмпиром, вцепившись друг в друга, сидели у дыры в заборе, не смея даже дышать и стеклянными от ужаса глазами наблюдая за набирающей обороты трагедией.

– Агафон, голубчик! – голосила тетка Аграфена, бухнувшись на колени и едва не придавив бездыханного мужа своими необъятными телесами. – Боги, да что же это деется-то!.. Лю-у-у-ди-и-и!..

– В жизни себе не про… – начал Зорган, но тут тетка Аграфена, неожиданно резво вскочив на ноги, с сотрясающими землю воплями бросилась на улицу, и вскоре ее завывания слышались аж с противоположного конца немаленького села.

Мы не сговариваясь ломанулись в узенькую дыру, едва не снеся весь забор (Бальдур, к слову, выбил-таки еще одну доску, да так и вцепился в нее, не желая расставаться), и в нерешительности замялись возле новоявленного трупа.

– Может, жив он еще? – сдавленно вопросила я, пихая Бальдура в бок. – Ты же маг, помоги!

– Я не целитель! – проклацал зубами предельно напуганный орк. – Я, собственно говоря, по совершенно противоположному профилю!..

– Некромант, что ли? – не преминул поддеть изрядно струхнувшего дружка Зорган. – Тогда тем более как раз для тебя работка!

– Тьфу, язык твой! – возмутилась я и вновь уставилась на Агафона. – Бледный-то какой!.. Не, тут уже никакой целитель не поможет!

– А пальцы-то как скрючил! – вторил мне впечатлительный эмпир. – Слушай, а он на нас не бросится?!

– Точно. Как пить дать, упырем заделается, – выдала я, вспомнив свои недавние приключения на мариенрахском кладбище. – Ежели при жизни людям характером своим противным житья не давал, то и после смерти не успокоится! Может, его колышком осиновым в сердце, для верности?

Бальдур выпучил на меня глаза и выразительно повертел пальцем у виска. Перед моим мысленным взором мелькнула занимательная картинка: куча народу, собранного заполошными воплями тетки Аграфены, вламывается в огород, а тут я с парнями – деловито заколачиваю в грудь активно сопротивляющегося и категорически с этим не согласного усопшего длиннющий осиновый кол, причем кол почему-то держит сам Бальдур, а Зорган увлеченно бухает по основанию деревяшки здоровенной кувалдой…

– Ты – маньячка! – передернувшись, убежденно заявил Бальдур.

– Сам дурак! – фыркнул эмпир и, склонившись над Агафоном, коснулся пальцами его шеи… Да так и замер, возведя глаза к небу. А меня мороз продрал по коже.

– Зор… Зор… – дрожащим голосом проблеял Бальдур, чувствуя, что его ноги накрепко приросли к земле. – Ты с его душой говорить пытаешься, что ли?

– Не мешай, идиот, – отмахнулся эмпир. – Я, может, пульс нащупать пытаюсь…

– Зорган!..

– Не хрипи, не страшно, – хмыкнул виконт.

– Да я вообще молчу, – пискнул тонким голосочком орк.

– А кто же тогда… – начал было Зорган, но тут его взгляд от небесных далей вернулся к телу Агафона, и виконт вмиг отпрыгнул от него, потеряв дар речи.

– Ах вы поганцы! – еле ворочая языком и устрашающе сверкая налитыми кровью глазами, провещало внезапно ожившее тело. – Ворюги!.. Где мой самогон? – И недавний покойник сделал неловкую попытку подняться на ноги.

И тут у Бальдура не выдержали нервы. С диким криком взмахнув зажатой в руках доской, он вмазал ее концом прямиком по макушке воскресшего трупа. Труп дернулся, обалдело свел глаза к носу и рухнул обратно, больше не шевелясь…

Впрочем, этого наша отважная троица уже не видела, во все лопатки мчась к спасительному забору. Едва мы успели нырнуть в дыру, стараниями Бальдура ставшую шире ровно на одну доску, кою парень все еще судорожно прижимал к себе, как возле крыльца покинутой нами избы стало тесновато. Возглавляла стихийное собрание конечно же беспрерывно воющая, словно идущий на посадку дракон, тетка Аграфена, а вслед за ней торопливо шествовали любопытствующие селяне всех ростов и возрастов.

– А ты это, – тяжело дыша, пробормотал Зорган, – лихо упыря-то – доской!..

Орк нервно хихикнул.

– Только это… а можно ли упыря одним лишь ударом по маковке упокоить? – спросил он у меня.

На первом курсе Нарронской академии благородных девиц мы такого не проходили, а потому я лишь задумчиво пожала плечами, и мы втроем, не сговариваясь, вновь припали к дыре…

За забором тем временем разворачивалась драма в лучших традициях стиля «да на кого же ты меня покинул, паршивец эдакий». В самый напряженный момент, когда Аграфена сде-

лала короткую паузу – для того чтобы издать очередной оглушающий вопль души, – тишину прорезал чей-то неуверенный голос:

– Люди, гляньте-ка – кажись, шевелится!..

– М-да, все-таки надо было колом!.. – трагическим шепотом посокрушался Зорган, пихнув Бальдура локтем в бок.

Тетка Аграфена, резко выдохнув – ну вылитый дракон на взлете! – рванула к колодцу и, схватив ведро, недолго думая плеснула из него на многострадальное тело любимого муженька… Не менее многострадальная бутыль, вместо воды ужом скользнувшая на землю в опасной близости от покойничка, все-таки разбилась, и по двору поплыл ни с чем не сравнимый, вышибающий скупую слезу мужской радости – запах крепчайшего самогона. Труп застонал, резко сел, повел красным носом и выдал хриплым голосом:

– Ну, будем!

Кто-то в толпе селян истерично взвизгнул от неожиданности, и в следующий же миг двор сотрясся от многоголосого хохота. Тетка Аграфена же, медленно, но неотвратимо зверея, все крепче сжимала дужку ведра, сверля воскресшего мужа таким взглядом, что на его месте любой уважающий себя упырь предпочел бы самостоятельно рассыпаться в прах. Судя по всему, Агафону предстояло на собственной шкуре, как и Бальдуру когда-то, испытать всю эффективность воздействия народных средств воспитания, в данном случае представленных ведром да увесистыми кулачищами разъяренной жены.

Мы расслабленно прислонились к забору, из-за которого раздавались ругань, звучные шлепки и отчаянные визги, и переглянулись.

– Гуманнее было бы колом, – протянул неугомонный Зорган и довольно погладил флягу с добытым-таки самогоном.

Бальдур, не удержавшись, вновь выглянул в дыру, узрел шустро прыгающего по помидорным грядкам Агафона с напяленным на голову ведром да Аграфену, от души хлещущую его длиннющей хворостиной, и торопливо кивнул, соглашаясь. Ему вторил густой, как от удара в набат, звук (это наш недоделанный покойник с ведром смачно навернулся о крыльцо) и особо заковыристое ругательство тетки Аграфены, самозабвенно гоняющей несчастного «упыря»…

Так наконец-то завершился очередной жаркий день, сменившись вечерней прохладой. Я поглядела на довольных жизнью друзей, послушала творящееся за забором безобразие и поняла, что путешествие в глубь острова может стать каким угодно – трудным или легким, успешным или неудачным, – но вот каким уж оно точно не будет, так это скучным…

Усталые, но довольные, мы возвращались в лагерь, устроенный в осиновой рощице. Фляжка с волшебным самогоном покачивалась на плече у Зоргана. Кстати, этот напиток действительно обладал удивительным, ни с чем не сравнимым запахом. И сколько я ни принюхивалась к горлышку посудины, но так и не смогла разгадать секрет добытого нами напитка. Несомненно, в издаваемом им аромате: резком, ярком, стойком – присутствовал и горьковатый запах полыни, и кислинка бузины, и сладкая терпкость гречишного меда, но распознать основные компоненты знаменитого самогона, рецепт которого держался в строжайшем секрете, оказалось не под силу ни мне, ни Тайлериану, ни даже дракону.

– Да не внутрь! – испуганно закричал Бальдур, выхватывая флягу из руки Зоргана, уже поднесшего ее ко рту. – Им натереться нужно, отбивая запах тела. И тогда храмовые Охотники нас не почуют.

Мы беспрекословно выполнили указание орка и теперь шагали по бескрайнему лугу, благоухая почище похмельного деда Агафона. Слепой стрелок неуверенно обозначил направление, должное вывести нас к реке. Хотя за достоверность своих инструкций он не ручался, ибо опыт прошлого путешествия по острову почти не компенсировал недостаток зрения. А кроме того, по словам все того же Стрелка, ландшафт Ледницы постоянно менялся, послушный воле

богов. И там, где еще вчера плескалось небольшое озерцо, сегодня мог внезапно появиться дремучий лес или возносился к небесам высоченный горный пик. А уж на понятии «стабильная погода» нам и вообще не приходилось заморачиваться.

Я размеренно переставляла ноги, подстраиваясь под общий темп марша. А между тем мои мысли словно бы отделились от тела, витая где-то далеко отсюда. Уже неоднократно, с тех пор как я покинула батюшкин дом, у меня возникло странное чувство, будто в мою жизнь регулярно вмешивается некая посторонняя или потусторонняя сила, корректируя мои действия и поступки. А вернее – вынуждая меня совершать то, что зачастую выглядит смешным или нелепым, но на самом деле приносит ощутимые результаты, влияющие на судьбы моих друзей. Я ведь нисколько не забыла о трех врагах, обозначенных мне волшебницей Оссой: о невезении, Ветре Инферно и могучем чернокнижнике, открыто нам противостоящем. Ой, чую, именно этот колдун и стал причиной преследующих нас бед, уже неоднократно испытывавших мою силу, отвагу и выдумку. И пока у него никак не получается погубить мой небольшой отряд, но, полагаю, однажды терпение чернокнижника лопнет, и он самолично явится нам во плоти, дабы дать последний и решительный бой. И похоже, момент нашей встречи все ближе, а время играет против меня…

– Рогнеда, – окликнул меня Зорган, осторожно приобнимая за плечи, – о чем задумалась?

– Сложно охарактеризовать несколькими словами все мои мысли, – ответила я, выплывая из призрачного мира грез и мечтаний. – Возможно – ни о чем, а возможно – обо всем сразу. Пока еще не уверена, но мнится мне, будто слишком многое из происходящего с нами – кем-то заранее подстроено. Вот только…

– …пока этому подстройщику не удается заставить нас полностью плясать под его дудочку! – уверенно закончил виконт. – М-да, признаюсь, похожие подозрения посещают и мою голову тоже.

– Подобные совпадения вряд ли стоит списывать на случайность, – согласно закивала я. – Значит, мы ясно ощущаем присутствие неведомого врага, и трудно сказать, куда именно заведут нас его манипуляции…

– Почему же трудно? – неожиданно рассмеялся эмпир. – Понятное дело куда – на кладбище!

– Ох уж этот твой черный юмор! – осуждающе покачала головой я. – Лично мне на кладбище пока еще рано, пожить хочется…

– А придется! – мрачно хмыкнул Зорган.

– Ну вот еще! – строптиво надулась я. – Не хочу на кладбище.

– Поздно, уже туда пришли! – откровенно веселился эмпир. – Смотри… – И он вытянул руку, указывая на что-то впереди.

Недаром утверждают, что эмпиры обладают самым острым зрением. Прищурившись, я все-таки разглядела верхушки надгробных памятников, выглядывающих из густых кустов, начинающихся за лугом. И сердито сплюнула в сердцах:

– Вот что за ненормальный остров, а? Количество погостов тут явно превосходит всякое разумное количество…

– А чего ты хотела обнаружить во владениях смерти? – удивился Не знающий промаха стрелок. – К тому же учитывая внушительное число паломников, погибших на Леднице до нас…

– Спасибо, успокоил! – язвительно фыркнула я. – Особенно за многозначительный намек «до нас»…

Но слепой лишь отмахнулся, утомленный моим упрямством. Похоже, его здорово раздражало мое демонстративное нежелание заранее примириться с неизбежностью нашей грядущей смерти, для самого слепца давно уже ставшей очевидным и почти свершившимся фактом.

Меня же его закоренелый пессимизм только злил и раззадоривал, вызывая состояние протеста, коротко называющееся «а вот фиг, не дождетесь».

С трудом продравшись сквозь колючие можжевеловые заросли, мы очутились на округлой, довольно обширной площадке, поросшей неухоженной, неряшливой травой. Сразу становилось понятно – на этом кладбище вообще не имеется никакого сторожа, и скорее всего все здешние захоронения давно заброшены и забыты. От большинства надгробий остались лишь уродливые руины, часть могил просела и осыпалась, обнажая фрагменты чьих-то пожелтевших останков. Разглядывая обглоданные временем кости, я все больше утверждалась во мнении, что они принадлежали отнюдь не людям.

– Неприятное место, – вынес объективный вердикт Зорган, блуждая между могил. – От здешних красот у меня мороз по коже. Давайте уйдем отсюда поскорее…

– Согласна. – У меня никак не получалось отделаться от ощущения чего-то липкого, незримо скользящего по моему телу. Казалось, будто кто-то специально привлекает мое внимание к оному погосту, заманивая в ловко расставленную ловушку. – Неспокойно у меня на душе, словно интуитивно понимаю: здесь – нечисто. Уверена, в этом месте обитает неупокоенная душа, ее обманули и теперь удерживают тут силой…

Я шагнула в сторону, торопясь покинуть нечистое место, и вдруг негромко вскрикнула, испытав приступ острой боли. Это кукла Злючка, по-хозяйски обосновавшаяся за пазухой, неожиданно укусила меня за ключицу своими заточенными зубами-щепочками. Я сделала следующий шаг в сторону ограждающих кладбище кустов и ощутила еще один укус. Кукла-демон ясно давала понять, что выход наружу мне воспрещен. Недоуменно хмыкнув, я подчинилась и направилась в самую середину погоста, не столько напуганная, сколько заинтригованная…

В центре кладбища обнаружилась необычная, удивительно хорошо сохранившаяся могила. Ее наглухо запечатывала белоснежная мраморная плита, полностью лишенная плесени или грязи, мокрая – словно недавно отмытая. Изголовьем плиты служил огромный двуручный меч, накрепко вбитый в дерн.

– Чтобы его вытащить, нужно обладать немереной силищей! – сообщил Зорган, безуспешно подергавший за рукоять кладенца, по размерам не уступающего росту самого эмпира, отнюдь не щуплого и могучестью не обиженного. – Я чуть пуп себе не сорвал, а ему хоть бы хны – даже не пошевелился… – Поплевав на ладони, виконт снова взялся за рукоять меча, покряхтел, но так ничего и не добился. – Подозреваю, тут похоронен великан-людоед или еще какой-то чудовищный злодей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.